

СМЕНА

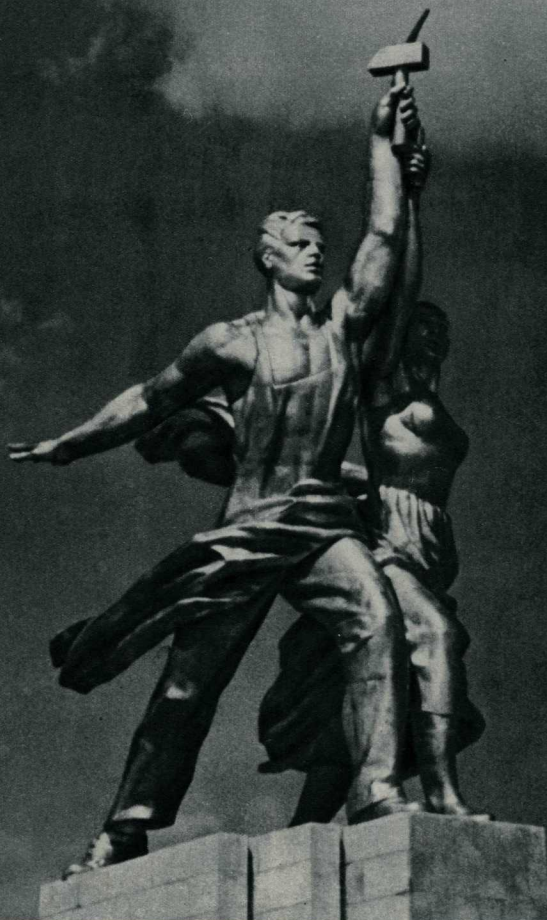
9

1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото И. Шагина.

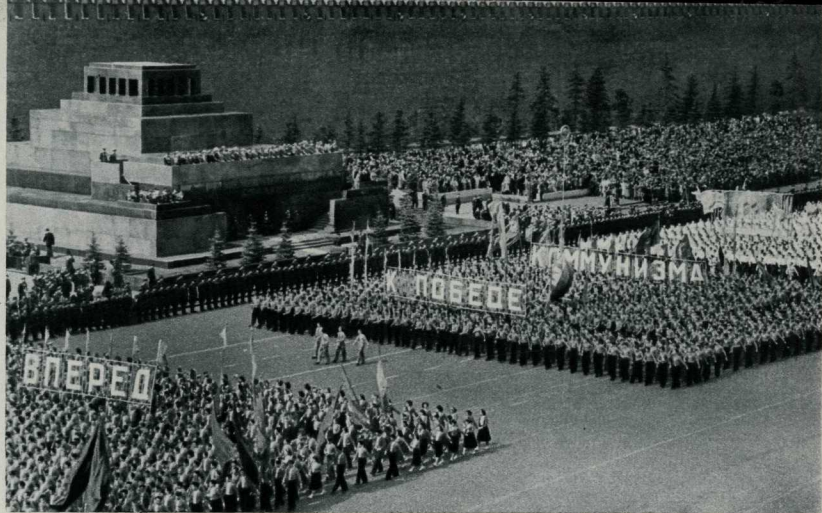

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Май. № 9. 1953 год.

Год
издания
30-й

Первое мая 1953 года в Москве. Физкультурники на Красной площади.

ПОД СОЛНЦЕМ МАЯ

Валерия ГЕРАСИМОВА

Кому не дороги эти яркие, весенние дни, когда, очнувшись после зимней спячки, природа ласково приветствует нас! Клейкими листочками берёз, белой пеной цветущей черёмухи, изумрудными всходами бескрайних колхозных полей, серебристым блеском пропнувшихся рек шлёт она нам свой весенний радостный привет.

Но каждый наш праздник особенно ценен и дорог нам ещё и потому, что, оглянувшись на пройденный путь, подсчитывая мы те успехи, с которыми встречаем именно з то т пришед-

ший к нам торжественный день, потому что отмечаем мы то новое, что приходит к нам вместе с нашими победами, и всматриваемся в ещё более прекрасное будущее. Мы помним и те радостные Первомаи, когда над большой «соломенной Русью» поднялись и задымили трубы первых гигантов советской индустрии. Мы помним и те дни, когда щедрые весенние всходы на возделанных первыми советскими тракторами колхозных полях наглядно показывали, что социализм побеждает в деревне. Мы помним солнечные майские дни,

отмеченные блестящими победами нашей великой армии-освободительницы.

Великолепны достижения и успехи, с которыми советский народ встретил майские дни 1953 года!

От предгорий Карпат до дальних сопот Приморья, от снежного Заполярья до цветущих советских субтропиков наш великий многонациональный советский народ героически трудится, творит, создавая коммунистическое общество.

Если в знойном Узбекистане хлопкоробы

Ленинград. Молодёжь Кировского завода на демонстрации.

Сталинградские школьницы Первого мая на улице Мира.

вышли на майскую демонстрацию с плакатом, на котором красовались рекордные цифры выращенных ими урожаев хлопка, то в далеком приморском Таллине обветренные рыбки гордились большими уловами рыбы. Колхозники Молдавии как эмблему социалистического плодородства несли в первомайский день ветви цветущих яблонь, груш, вишен, персиков, а машинисты Урала высоко поднимали транспаранты, говорящие о выпуске новых машин, механизмов, приспособлений, приборов.

Советский человек законно горд и новой, из года в год всё растущей социалистической техникой.

Эта великолепная техника, всемерно облегчая труд человека, многократно увеличивает производительность поистине творческого труда строителей коммунизма.

За этой из года в год растущей техникой стоит те, кто создавал её, те, кто по-хозяйски овладевал ею, кто, раскрывая её новые возможности, неутомимо совершенствовал технику социалистического производства, — советские люди — творцы и создатели.

Эти новые люди, производственные, труд которых не может быть назван только физическим, труд которых неотделим от знаний, от творческого мышления.

Для передовиков сотен и сотен советских предприятий стало обычным явлением выступать с лекциями и научного характера докладами перед обширными аудиториями о методах своего труда. Всё это говорит о резко возросшем культурно-техническом уровне советских рабочих.

Не так давно токарь-новатор Средневожского станкостроительного завода Василий Колесов создал новую, дающую огромный повышение производительности труда геометрию реза. Почти новатора был горно подхвачен на многих заводах нашей страны. Начали работать по-колесовски и молодые токари московского Первого государственного подшипникового завода А. Гусев, В. Пшерадовский, В. Старовойтов, А. Кореньков. Но разве это было бы возможно без предварительных и достаточно широких технических знаний! Молодым производственникам пришлось углубиться в изучение теории резания, прочитать немало серьёзных книг и обращаться к справочникам.

Новая, социалистическая техника требует знаний математики, физики и других наук. Молодые новаторы не отступили перед трудностями.

Стремлением к знанию, подлинным рвением к науке охвачена вся страна социализма. У нас нет ни одного посёлка, ни одной деревни, где бы люди не учились, не совершенствовали бы свои знания.

Как красив и как многогран советский человек — этот поистине новый человек!

«Вы строите государство, в котором все люди имеют равное право на развитие своих талантов и способностей, пред каждым широко открыты пути к науке, искусству, государству, в котором нет класса хозяев, но каждый человек — хозяин, равноправный со всеми», — говорил, обращаясь к рабочим Магнитогорского завода, певец творческого труда Максим Горький.

Как наглядно, как выразительно осуществилось в наши дни слова великого писателя!

«Человек-хозяин», в котором раскрылись и расцвели яркие, многообразные способности, человек многогранного развития не есть нечто далёкое, отвлечённое и неясное: он здесь, он с нами, в наших сплошных и ликующих рядах. И это он празднует свою великую, всемирно-историческую победу!

Советский человек в эти весенние светлые дни по-хозяйски оглаживает просторы родной страны.

Славный путь свершений и побед пройден им. Той же уверенной поступью хозяина и создателя идёт он всё вперёд и вперёд. Светлая и яркая его сегодняшняя день. Светлы отблескиваются перед ним дали.

Его вырастила, его воспитала Коммунистическая партия. Он живёт в стране, где с каждым новым днём всё полнее, всё ярче осуществаются пророческие слова великого писателя о том, что хозяин земли, человек, «создан для счастья, как птица для полёта».

Лучший наменщик Ленинграда, депутат горсовета, комсомолец Николай Стрыдин.

Фото Я. Халына.

Михаил СВЕТЛОВ

Весной

Когда цветами яркими украшен
Твой необъятный, твой великий край,
Когда над главами кремлёвских башен
Поднял свои знамёна Первой,

Когда растущим гулом демонстраций
Наполнены кварталы городов,
Когда ты уж не в силах разобораться
В разноголосом шёпоте ручьёв,

Когда освобождённые народы
Зарёй Страны Труда освещены,
Когда слышное дыхание природы
С дыханьем человеческой весны,

Ты — со своей Отчизной! Вместе с нею
Ты рвись к будущему —
Строить и творить!
Ты начинаешь жить ещё полнее,
Ещё сильнее Родину любишь!

НАША ПОБЕДА

Опора гитлеровских орд на подступах к Москве, о разгроме отборных нацистских армий под Сталинградом и на Курской дуге, о десяти сокрушительных сталинских ударах в 1944 году и о падении законяемого в железо, сталь и бетон фашистского логова — Берлина — уже написаны на многих зарубежных языках сотни книг, несметное число статей, очерков, мемуаров, исследований...

Авторы их — штабные и строевые генералы, оставшиеся министры и дипломаты, военные обозреватели буржуазных газет и журналов... Все они, за малым исключением, жили в годы войны надеждой, что Советский Союз, освободив фашистские полчища, сам утратит военную и экономическую мощь.

Именно это и надо было империалистам Запада, и прежде всего монополистам США, а также и жаждущим господства над народами, рынками и всеми сокровищами мира.

О долгой, изнурительной, кровопролитной войне мечтали они. Снежный, наглый, бесконечно самовлюбленный трубадур американских миллиардеров Х. Вулден писал осенью 1941 года «Судьба Москвы предрешена». И добавлял: «Война перенесется на Восток, а снега Преадурия, Урала, Сибири».

Мышлы контрразведки, отпены шквалами, посмещающим наступлением ответа Советской Армии на попытки гитлеровцев захватить столицу нашей Родины.

Фашистские планы откатывались на запад, и вешает Х. Вулден: «Одна из случайностей, неизбежных на войне. Немцы говорят о «генерале Морозе», подоспевшем на помощь Советам. Насколько шатка и преходяща эта помощь, мы увидим, без сомнения, в ближайшие недели. Мы ещё будем свидетелями многих изгибов, внезапных изменений и колебаний».

В 1942 году немцы рвутся к великой русской реке, они входят к Сталинграду, и Х. Вулден и все его единомышленники не сомневаются, что вот-вот Сталинград падёт.

Но вот в кольцо стали и пламени ввязы войска Гитлера, фельдмаршал Паулюс канитулирует, и тут только поняли значение стратегии, что продолжительность и исход войны могут быть совсем не теми, на которые так надеялись в своих бездумных авантюристических расчётах.

Однако ещё хрипелись газетные плакаты: «Меж Волгой и восточными границами Германии лежат необъятные просторы; отвоюй их, даже при благоприятных для Советов условиях, — задача нескольких лет».

Но вот битва под Курском, затем десять сталинских ударов по фашистским ордям, потом безостановочное зимнее наступление 1945 года. А на страницах реакционных американских газет — «комментарии» и «прогнозы» в прежнем духе: «Идиом, Германия и её союзники не учли потенциальных возможностей России, её людские и экономические ресурсы. Однако решающие события ещё впереди».

Между тем советские войска уже подходят к Одеру, и ненавистники страны социализма остаются гадать только на то, что «Берлин 1945 года может стать для Советов тем же, чем стала Москва 1812 года для Наполеона».

Это была последняя ставка чёрной империалистической реакции и её глашатая.

Они, замаскированные в открытые враги Союза Советов, досконально знали, в какую ещё невиданную во всей мировой истории и, казалось, при всяческих условиях неиступную крепость превратили фашисты своё логово. Куда там Берлин!

Три мощных до предела насыщенных техникой оборонительных пояса пересекали пространство от Одера и Нейсе до ближайших подступов к Берлину. Глубина этой, по выражению Геббельса, «мертвенной зоны» достигала сорока километров. Тут находилось множество огневых точек, асфиских ангаров; всюду, где могли появиться советские войска, земля была засеяна минами. Орудия всех калибров, миномёты, десятки тысяч пулемётов простреливали каждую точку земли.

А дальше — Берлин.

В нём, раскинувшись с востока на запад на 45 километров, имелось девять оборонительных секторов, сотни железобетонных сооружений, невиданные баррикады, тысячи многоэтажных домов, превращённых в крепости. На балконах и в подвалах — миномёты, пулемёты, лёгкие

артиллерийские орудия. Весь метрополитен, четырёхколёсные штовилы — тоже крепость: там специальные батальоны и всякого рода огневые средства.

Гитлеровское командование почти обняло свой Западный фронт; оно стаяло все силы против Советской Армии.

Американцы и англичане выжидание топтались вдалеке. На подступах к Берлину германское командование сосредоточило все армии: «Висла» и «Митте», 3-ю танковую, 4-ю танковую, 9-ю армию, 17-ю армию, многочисленные батальоны фольксштурма и специальные отряды, вооружённые фаустпатронами.

А на Западном фронте оставались лишь жалкие, жидкие отряды, они даже не пытались сопротивляться, но американско-английские войска не торопились: ещё не известно, как долго продлится борьба за Берлин.

Может быть, не меньше, чем пол Верденю, где страшное кровопролитие длилось многие месяцы. Да уже и не очень-то нуждалась в их помощи Советская Армия! Лишь на себя, и только на себя, полагалась она.

По плану, разработанному И. В. Сталиным, войска 1-го Белорусского фронта центральными своими соединениями движутся прямо на Берлин, а силами правого фланга охватывают город с севера и с северо-запада и выходят к Потсдаму.

Центральные соединения 1-го Украинского фронта идут к реке Эльбе, а все войска правого фланга обходят Берлин с юга и у Потсдама смыкаются с бойками Жукова. Так логово фашистов будет взято в сплошное кольцо.

А чтобы наверняка обеспечить правый фланг Жукова, тот, что охватывает Берлин с севера и с северо-запада, и чтобы не допустить к этому участку германские подкрепления, и чтобы попутно разбить наиболее сильную, 3-ю танковую армию гитлеровцев, вступают в действие 2-й Белорусский фронт.

И всё было выполнено в точности так, как предусматривал величайший из полководцев мира И. В. Сталин.

Незабываемая в веках берлинская операция началась 16 апреля 1945 года. Каждый боец помнил призыв великого Сталина: «Добить фашистского зверя в его собственном логове и подорвать над Берлином знамя победы».

Тут, на подступах к Берлину, на законных в бетон, железо и сталь берегах Одера и Нейсе, началось последнее сражение войны.

Европейская континентальная индустрия работала несколько лет на гитлеровскую Германию, и в этой гигантской битве верховное немецкое командование сосредоточило всё, что было на основных его фронтах и на покорённом Западе. Но героический край страны социализма в больших масштабах превратил капиталистическую промышленность Европы. 41 600 орудий и миномётов, более 6 300 танков и самоходных орудий, 8 тысяч самолётов были в железобетон, в сталь, в камень, в глубины земли, в несчётные сооружения и подземелья врага.

Безостановочно гремели орудия, вздымая шквалы камня, смерти железа, бетона, земли. Почти полчасца длилась неистовую мощью артиллерийская подготовка. Сотрясаясь земля, там и там гигантские огненные языки металась над вражескими позициями, снаряды переплывали минные поля, тысячи тонн земли вздымались ввысь, окутывая непроницаемой мглой предразсветное небо.

Маршал Жуков приказал включить на решающем участке 200 мощных прожекторов, освещавших путь нашим бойцам и спящим врагам.

Пехота и танки пошли на прорыв. Так началась битва на подступах к Берлину. Прорвав вражескую оборону на Оudere и Нейсе, преодолев все эти «мертвенные» вала, советские войска стремительно пошли вперёд.

С фашизмом, подобным полному безумию, сопротивлялись отборные войска Гитлера. Но не было и не могло быть сил, способных остановить движение советских войск.

Из роти в роту, на колени в колону неслож:

— Нами командует Сталин!

— С нами Сталин!

Владимир ОСИНИН

В отпущ

Германия! Германия!
Берлин. Вокзал Силезский...
Содат лёт «Страдания»
Протажно, по-смоленски.

И мне родное чудится:
Идем к реке грубюво,
В скрени белой уацда,
Крымское голубое;

В кустах замаскирована
Тропично-ка-доржжа;
И, как сейчас, взволнованно
Поёт, звенит гармошка.

Друзья мои хорошие!
Счастливы край родной!
И грусть-тоску отбрось и:
Верь сердцем — с тобой.

Поёт солдат...
Германия.
Берлин. Вокзал Силезский...
Содата ждт свидания
На родине, в Смоленске.

гитлеровцев, оборонивших последние рубежи.

Пехота и танки пошли на прорыв.

Так началась битва на подступах к Берлину.

Прорвав вражескую оборону на Оudere и Нейсе, преодолев все эти «мертвенные» вала, советские войска стремительно пошли вперёд.

С фашизмом, подобным полному безумию, сопротивлялись отборные войска Гитлера. Но не было и не могло быть сил, способных остановить движение советских войск.

Из роти в роту, на колени в колону неслож:

— Нами командует Сталин!

— С нами Сталин!

Советские воины водружают знамя победы над рейхстагом.

Фото Е. Халдея.

— Сталин двинул армии на окружение Берлина!

С его именем войска шли прямо на Берлин. С его именем, мощные центральные соединения 1-го Белорусского фронта и соединения правого фланга 1-го Украинского фронта, ломая неустойчивое сопротивление врага, взрывая, кромая его технику, неуклонно с обеих сторон продвигались к Потсдаму, туда, где должно замкнуться вокруг Берлина кольцо стали и огня.

Они пришли туда в ночь на 25 апреля. Обнимались боины двух фронтов, жарко горели глаза, устремленные в грохочущую, пылающую даль: Берлин окружен.

А с востока, откуда советские войска двигались прямо к берлогу фашизма, шли вести, одна другой значительней:

— Восточнее Берлина в лесах окружены 13 немецких дивизий.

— Полностью отсечена 9-я немецкая армия.

И со 2-го Белорусского фронта:

— Ощипана от врага вся Западная Померания, войска Рокоссовского подошли к Эльбе.

— Разгромлена 12-я немецкая армия.

21 апреля советские войска вошли в Берлин.

Началась битва, какой еще не знала история. Каждый каменный дом — крепостной форт. Каждый подъезд — ловушка. Каждая площадь — клокошущий кратер. Из тысяч и тысяч окоп — перекрещивающиеся свинцовые ручьи. С неба сыпался пепел.

Накалялись стволы советских орудий, клокотала вода в стальных пулеметах, — дом за домом, квартал за кварталом отбывали бойцы, всё приближаясь к центру города.

И пришло утро 30 апреля.

По штурмовым батальонам, бесчисленным батареям, по всему кольцу, охватывавшему центр Берлина, прозвучала команда:

— Объект номер 105! Огонь на весь режим, из всех видов оружия!

Номер 105 — это рейхстаг.

Казалось, сдвинулась и опустилась земля, чёрные, пепельные, багровые столбы выдвигались над городом, вихри срывали двери, ворота. В одну из этих минут Гитлер принял смертельный яд.

В этот день, в 14 часов 25 минут, над рейхстагом взвилось пурпурное знамя.
Армия страны социализма выполнила приказ своего вождя, величайшего из полководцев мира.

...

Об этом беспримерном в истории сражении писали и пишут зарубежные генералы, оставшие министры и дипломаты, военные обозреватели буржуазных газет; все они тем или иным образом служили своим хозяевам и делали всё, чтобы заткнуть войну Советского Союза с фашистской Германией и в предельной степени истощить, обескровить обе страны.

Вышло иначе. Великий вождь, великая Коммунистическая партия привели страну к полной победе над фашизмом, и это коренным образом изменило всю международную обстановку. Создан могучий лагерь мира, демократии и социализма. «В этом лагере в тесном братском единении», сказал Г. М. Маленков, — идут вперед вместе с советским народом великий китайский народ, братские народы Польши, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Албании, Германской Демократической Республики, Монгольской Народной Республики».

Найбольшим прислужникам американско-английского капитала — всем этим незадачливым полководцам, министрам, политическим деятелям — надобно как-то оправдаться перед своими хозяевами. И теперь, вспоминая, описывая и объясняя ход и исход второй мировой войны, они вынуждены признать, что «недооценили сил и возможностей этой гигантской страны».

Но они ничего не говорят о несравнимых и бесконечных преимуществах социалистического строя перед капитализмом, о том, что в битве двух систем социализм в совершенной мере воспоржествовал над капиталистической системой.

Пусть не говорят, пусть трусливо умалчивают, — всё трудовое человечество знает о неистощимых и небывалых истоках советской мощи.

И знает оно, что нет и не будет сил, способных сломить волю народа, построившего социализм и победу шестуопного в сияющий мир коммунизма.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

ОСВОБОДИТЕЛИ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ПУТИ-ДОРОГИ»

Утром двадцатого августа знойное синее небо стало вдруг серым. Воздух звенел от разрывов снарядов и бурвавших его огней советских бомбардировщиков и истребителей. Огромные столбы пыли и дыма закрывали солнце. Всё, что долгие месяцы скрытно накапливалось в лесах, оврагах, садах; что приводилось в готовность изо дня в день: людские массы, оружие, боевая техника в неожиданных ещё количествах; всё, что зрело для седьмого сталинского сокрушительного удара, — вся эта грозная сила по одному приказу пришла в движение, и вражеские укрепления затрещали под её напором.

Танковые полки и бригады, посадив на броню пехоту, мчались вперёд по дорогам и без дорог. Со стороны могло показаться, что это какой-то стремительный стихийный поток, не поддающийся руководству. Между тем всё здесь подчинялось единой воле. Управление было отлажено: танковые экипажи разговаривали между собой по радио: командиры машин — с командирами рот, ротные — с батальонными, и так до командира бригады, корпуса, армии, фронта — до Ставки Верховного Главнокомандования. Донесение, зародившись в какой-нибудь маленькой чувствительной точке, скажем, в отдельном танке, неожиданно встречившись с серьёзным препятствием, быстро достигало центра и мгновенно в форме распоряжения или приказа возвращалось в ту же точку, сообщая ей ясность ориентировки и заставляя действовать...

В первые часы наступления противник пытался ещё оказать сопротивление. На отдельных участках фронта оно было упорным. Но уже к полудню вражеская оборона рухнула едва ли не на всём про-

тяжении — от Пашкан до Ясс. Войска 2-го Украинского фронта устремились на юг, чтобы уже 23 августа в районе Лепушени — Ласово встретиться с дивизиями 3-го Украинского фронта и замкнуть кольцо окружения вокруг войск генерал-полковника Фриснера.

Противник откатывался вглубь страны, на юг, даже не подозревая о том, что путь ему отрезал войска генерала Толбухина. Советские танки и самолёты наступали отступающих. Почти все дороги были завалены поверженной неприятельской техникой и трупами гитлеровцев.

...

Генералу Рупеску удалось со своим корпусом избежать полного разгрома на линии укрепрайона. Его штаб снялся в ночь с двадцатого на двадцатье августа и под охраной кавалерийского эскадрона двинулся на юг-запад, через Роман, в сторону Беку, поближе к Трансильванским Альпам, где Рупеску надеялся укрыться со своим соединением, вернее, с остатками его, от стремительно наступавших советских войск.

На очередном пятиминутном привале, во время заправки машин, к генеральскому автомобилю подскочил на взмыленном коне вестовой.

«Вам пакет, господин командующий!» — крикнул он, резко ославляя коня. — Из Бухареста! — и подав Рупеску конверт с пятью сгруппированными печатями.

Генерал, бросив его за спину, долго не мог оторвать эти печати. Наконец пакет удалось вскрыть, и на запястные узкие брюки генерала скользящая бумажка, заполненная аккуратными, немного утро-

ватыми строчками. Рупеску сразу же узнал почерк полковника Раковичану.

«Дорогой друг!» — писала Раковичану. — «Случилось нечто ужасное. Лавина русских полчищ двинулась вглубь нашей страны. В Бухаресте творится такое, что не передать словами. Появились вооружённые рабочие отряды, тайно и заблаговременно сформированные коммунистами. Во главе одного такого отряда стоит — кто бы вы думали? — Мукершану! Да, да, господин генерал, тот самый Мукершану, которого «убил» по вашему приказанию лейтенант Штенберг. Он обманул вас... Впрочем, есть дела поважнее, генерал. Антонеску арестован. Король в замочниках. Очевидно, его прибудет отдалить приказ о выходе Румынии из войны на стороне немцев. Полагаю, однако, что от этого мало что изменится в положении страны: дворцы переориентируются, и всё. Место немцев займут, конечно, американцы, сами понимаете! Разницы между теми и другими большой нет, да и драка между ними совершенно иного свойства. Американцам, например, преславно удалось сохранить свои капиталы в нашей стране даже в тот момент, когда здесь господствовали немцы. Мне всё это удалось разнюхать случайно...»

Рупеску возмущённо шмыгнув носом и оторвался от чтения. «Какая наглая самоуверенность! И этот вечно снискохительный тон. Выскочка! Он постоянно позволяет себе разговаривать со мной свысока. Что же, однако, удалось ему разнюхать?» — не без зависти подумал генерал.

А «разнюхал» Раковичану следующее. В Румынии, как и в других странах, попавших в зависимость от Гитлера, американцам пришлось замаскировать свои вклады в местных банках.

Так, после вступления Соединённых Штатов в войну американцы передали небольшой пакет акций «Ромин-американ» нескольким служащим-немцам, чтобы последние надёжнее защищали американские интересы.

Большинство же акций сохранил за собой трест «Стандарт ойл оф Нью-Джерси», который во время войны весьма успешно поддерживал свои тесные деловые связи с гитлеровским химическим концерном «ИГ Фарбениндустри». Поэтому-то «Стандарт ойл» защищала германские интересы в Америке. В свою очередь, в качестве компенсации концерн «ИГ Фарбениндустри» защищала интересы «Стандарт ойл» в Германии, Румынии и других странах.

В акционерном обществе «Форд-романа» было немало директоро-немцев, которые проводили американскую линию. Сотрудничество трестов двух официально враждующих государств было налажено чётко.

Обо всем этом Русеску тогда действительно не знал, хотя, конечно, мог и узнать...

— «В этот тяжкий для нашей родины час, мой дорогой друг, — продолжал читать генерал, — нельзя терять голову. У нас осталось право выбрать покровителя. Сделать это не трудно, если иметь в виду, что песни Гитлера, повсюду, уже спета, а американцы очень заинтересованы в нас. Нужно анализировать и действовать. Причём действовать хитро. Ваш коллега генерал Санатеску (помните, мы говорили с вами о нём) — благороднейший человек, он готов взять на себя верховную власть в стране. Дворец против этого не возражает: наши соображения полностью разделяются реджаке Михаем и Мамой Еленой. Санатеску их устраивает. Не даю как вчера я имел с ним двухчасовую беседу. Очаровательный человек, настоящий аристократ, но это не мешает ему на всех перекрёстках бранить Антонеску и расхваливать русских «освободителей». Вот это, я понимаю, камуфляж! Его превосходительство генерал Санатеску просил меня передать вам, чтобы и вы, мой дорогой друг, действовали так же. Пока что у нас нет иного выхода. Не исключена возможность, что уже завтра вы станете союзником русских. Так не жалейте красноречия, клянитесь мне в союзнической верности, в горячей, сыновней любви, бейте себя в грудь, плачьте, кайтесь. Прохлаживайте Гитлера и Антонеску, особенно прохлаживайтесь по адресу последнего, называйте его плачем, людоедом, извергом рода человеческого. Русским это понравится. А нам наплевать. Антонеску сошёл со сцены, и мы ничто

не теряем. Действуйте же, мой милый генерал, и знайте, что так надо. Действуйте, но, повторю, не теряйте голову. Не допускайте общения ваших солдат с русскими... Пусть это будет вашей первой заповедью. И вот вам вторая: уповайте на американцев!»

Русеску перечитал письмо ещё раз, теперь уже не отрываясь, и задумался. История сделала какой-то резкий скачок, вокруг происходило что-то непонятное и потому страшное. «Неужели всё к чёрту? — в который раз спрашивала себя генерал, покурив голову. — Король, боре, генералитет... Не может быть!.. Что же это?..» И уже вслух гауко и трудно выдохнул, вспомнив слова Раковичану: «Пока что у нас нет иного выхода! Негодики, жалкие торгашки! Им ничего не стоит продать родину со всеми потрохами. Лишь бы покупатель нашёлся побогаче. Проходимцы!.. Ну, а ты куда? К какому берегу? — задал себе вопрос генерал. И не нашёл ответа.

В тот день, когда Русеску получил письмо, неподалёку от Бухареста, в лесу на небольшой полянке, собралось человек сорок рабочих. Были среди них металлисты, нефтяники, шахтёры, каменщики, ткачи, железнодорожники. Их исхудалые лица сияли, воспалённые глаза горели от радостного возбуждения. Они только что возвратились с нелёгкого задания и обсуждали результаты своего похода. Рабочим не верилось, что всё окончилось благополучно, что их открытое выступление обошлось без жертв.

— А вы видели, как перетрусил жандармишко, когда мы подошли к зданию сигарынь?

— Что там жандармы: гитлеровцы, и те разбежались, бросив склад оружия.

— Ну, и дела! Николае, а сегодня ночью вновь двинем?

— Да, Николае, куда мы теперь?

Вопросы эти были обращены к невысокому коренастому человеку с пышными седыми волосами. На коленях у него лежал немецкий автомат. Вооружены были и остальные, кто автоматом, кто винтовкой, кто револьвером.

Пожилой шахтёр спросил с беспокойством в голосе:

— Ну вот, сделали мы это дело. А дальше что? Ничего! — Шахтёр, увидев, что знал Мукершану уже давно. — Не по домам же расходиться?

— Верно, Лодяну! Дома нам сейчас делать нечего. Мукершану встал. — И стали подниматься и остальные. Он остановил их: — Сидите, товарищи. Я так лучше увижу всех. Дома нечего делать! — повторил Мукершану и, испытывая знакомое воодушевление, заговорил горячо: — Мы совершили гитлеровский преступление перед страной, перед нашим истерзавшимся народом, если не воспользуемся благоприятно сложившейся обстановкой. Красная Армия стремительно приближается к Бухаресту. Через несколько часов, самое большее, она будет здесь. История нашего революционного движения не представляла ещё нам более удобного момента взять власть в свои руки и навсегда покончить с буржуазно-помещичьим строем. Мы победим, кроме себя несмысленным позором, если упустим этот исторический момент. Не стыдно ли будет нам, передовому классу, если в такое исключительное время мы станем отступать? Помните, товарищи, кроме нас, рабочих, в Румынии нет сил, способных поднять весь народ на революционную борьбу и довести эту борьбу до победного конца. Мы с вами, рабочие, сделали только первый шаг. Теперь мы должны идти дальше, на решающий штурм прогнившего старого строя. Другого пути у нас нет! Вокруг нас, рабочих, сплелась все прогрессивная демократия страны.

— Ты, верно, не понял меня, — обидливо перебил шахтёр. — Неужели я колеблюсь? — Я уверен в тебе, Лодяну. Разве старый шахтёр подведёт? Но ты спросил, что нам делать дальше, если мы победили? Кто-то поинтересовался: пойдут ли за нами крестьяне? Вопрос уместный, ибо беднейшее крестьянство — наш главный союзник в борьбе. И от того, к кому оно перейдёт, будет зависеть исход этой борьбы. Вот почему многие из нас с нами партией послали в деревни и села. Мы хорошо знаем, чего хотят крестьяне. Им нужна земля. Получить её они могут только с нашей помощью, с помощью рабочих. Убедить крестьян в этом значит привлечь их на свою сторону. Думаю, что нам удастся это сделать! Бедняки — а их большинство — пойдут за нами!

— Конечно, пойдут! — воскликнула парень в куртке железнодорожника и, придвинувшись поближе к Мукершану, спросил его, застесившись улыбаться: — Говорят, Николае, ты видел русских солдат. Расскажи о них!

— Сразу несколько голосов поддержало его просьбу:

— Расскажи, Николае!

— Что ж вам рассказывать... Мукершану устало поудобнее. — Русские — хорошие люди. Их никто не утратит и не оставит! И они точно верят, что кровь свою проливают на нашей земле не напрасно... — Уж мы их не подведём! — глухо проговорила шахтёр.

И опять все наперебей закричало: — Антоанеску вышвырнули. На этом не останавливаемся!

— Гривница! Больше не повторится! Железнодорожники яростно шептались забором своей вышки. Поумолкли.

— Наш вождь Георгию думает так же, как вы, товарищи! Разрешите от вашего имени заверить партию, что мы не останавливаемся на полпути... Мукершану хотел ещё что-то сказать, но не перебил его.

— Пусть Георгия не сомневается. Мы все пойдём за ним! А ты, Николае, рассказывай нам о русских!

— Мы слушаем тебя!

Мукершану положили свои тяжёлые руки на вороченное тело автомата.

— Сначала скажите о чём: Центральный комитет поручил мне отобрать десятки два рабочих-добровольцев и отправить с ними в армию. Надо, товарищи, чтобы и армия пошла за нами и в решающий момент поддержала нас. Кто пойдёт? Много ли?

— Записывайте меня, — первым предложил шахтёр.

Но Мукершану возразил:

— Нет, Лодяну, тебе надо остаться. У тебя много детей, жена болящая. Да и возраст твой непризывной. Будешь работать с молодёжью на своей шахте.

— Обижаетш ты меня, старика, Николае...

— Ничего, на шахте ты нужнее, — успокоил его Мукершану.

Добровольцами оказались почти все. И Мукершану пришлось самому решать, кого взять с собой в армию.

***

Разгром гитлеровцев на Ясско-Кишинёвском направлении осуществлялся по плану. Восточные добровольцы, бойцы Войны противника, как этого и ожидали, метнулись на юго-восток, но напором на передержавшие им путь наши части. Тогда они устремились на запад, но и там все пути им уже открыты. Двадцать две гитлеровские дивизии были захвачены в мотучих тисках Второго и Третьего Украинских фронтов.

Оставив огромную группировку немцев у себя в тылу (там было достаточное количество, чтобы окончательно добить окружённого врага), советские войска ринулись вперёд. Им днём, им ночью не прекращалась неотомимая погоня за откатывающимися противником. Бесни похотом — в замках от механизированных частей, — обсажал либо на коней либо на броню танков. Ночные городишки наполнялись звонким доколом сотен конских копыт и лязгом колёс танковых гусениц.

Наступательный порыв нарастал с каждым часом, но в те жаркие августовские дни рыданные чистейшего наступления не могли ещё отчётливо предстать себе все его огромных исторических последствий.

***

Разведчики Забарова давно уже мчались на конях далеко впереди своей дивизии. Им навстречу бесконечной вереницей двигались румынские солдаты. Их даже нельзя было назвать пленных: в плен русских никто не брал. Увидев советских солдат, они торопливо принесявали их, несливая ладони к своим рыжим плащам, кричали:

— Армата Рошней Армата Рошней!

Вместе с винтовкой румыны несли, что могло содействовать в хвосте, — тересдедальки, топоры, вилы, лопаты, один даже лопот на себе ярмо. Должно быть, эти виноградары и земасепашные меньше всего думали о Великой Румынии от границ Болгарии до Южного Буга. Они робко подходили к разведчикам и говорили что-то непонятное, перебивая друг друга.

Георге Бокулей, ехавший вместе с разведчиками, переводил:

— Они спрашивают, кто им делать, куда идти.

— Куда ж им ещё? Путь-дорога у них теперь одна — домой. Путь-ка начинают жить по-человечески, — солидно рассуждал Сенька, бывший в свои руки инициативу в беседе. — Так и переводил, Бокулей.

— Куда они направляются? Спросил, Георге, — сказал Забаров.

Но румыны, точно договорившись, что его интересуют другие заговорил:

— Акса... акса!*

— Нуй бон разбой.

— О чём это они? — осведомился Ванниг у Бокулей.

— Говорят, что война — плохое дело.

— Так это у них война «разбей» называется? Подходящее название. Гитарда Александру, Букштейну, разбойничать. Скажи, Бокулей, ты, милое, откуда сила всякому ребёнку коней посылать?

Вдруг Бокулей соскочил с коня и крикнул:

— Фрате! Гитардиру!

В полном изумлении Георге узнал брата.

— Ну как отпустил, гвардиет? — спросил Сенька и предложил ему отпустить. Но Димитру пожелал остаться с братом. И чтобы ему не отказали, торопливо сообщила разведчикам важную новость, которая наконец объяснила им, почему румынские войска прекратили всякое сопротивление.

— Капитуляция, значит? — полубомбитестно Никита Платон, с удовольствием проинтересован.

— Тут что-то другое, — возразил Забаров, показывая на румынскую газету, которую усаживало сунул ему Димитру Бокулей.

— Ну, Георге, переведи!

Бокулей стал читать сначала про себя. Разведчики видели, как загорелое, конглоле лицо солдата светлеало. Бокулей тряхнул головой и начал переводить:

— Тут говорится, что румынское правительство решало прекратить военные действия против объединённых наций и выполнить волю страны, заключив мир с объединёнными нациями. В этого момента все военные действия против Советской Армии и состоянии войны с Великобританией и США будут прекращены.

— Разумно, а как посмотреть на это гитардиру?

— Оно уже бомбит Бухарест. Направили к городу свои войска, — ответил Георге Бокулей. — Вот тут об этом пишут. Говорят, рабочие в Бухаресте встали против Антоанеску и оккупантов.

— А что? — задал вопрос Гривница Шахав, который всё время до этого молчал, занятый какими-то своими мыслями. — Так, — повторил он, а сам думал об одном и том же: о румынском коммунисте Мукершану. — А что знала Анна? — спросил он, потому что Мукершану находился в столице Румынии. — Кто же сейчас возматал румынское правительство? Антоанеску? — обратился он к Бокулей.

— Солдаты не правительство во главе с генералом Санатеску.

— Санатеску, говоришь? — быстро переспросил Ванниг, умышленно переирав фамилию генерала. — А кто он такой, из каких слоб?

— Пишут, что Санатеску находился в оппозиции к фашистскому режиму Антоанеску, — ответил Бокулей.

— Что значит в оппозиции? — не унимался Ванниг, теперь уже повернувшись к Шахаву.

— Оппозиция — несогласие. Значит, этот был не согласен с фашистским режимом.

А чего он раньше не проявлял своего несогласия? Антоанеску трогал его, он не трогал Антоанеску. Хорошенько несогласен! Нет, дружики, тут что-то того...

Гривнички замолчали. По обочинам дороги тёмной стеной стояли запыленные осены. В кюветах валялись опрокинутые повозки, армейские кухни.

Где-то высоко над головами разведчиков гуляли самолёты.

— Серьёзно, — заметил кто-то.

— Опять Платошны бомбили.

— Может, и не Платошны; Бухарест разрушают да заводы румынские. Ишь, застесившись, бояться не надо!

— Вотся, как бы народ румынскому не досталося.

— Раньше-то их не было. А сейчас из Италии черти несут.

— Пойди, — крикнул улар, когда они узнали о нашем наступлении.

— Не по нутру им это, ясное дело.

Коня дрогнули от дружного хохота разведчиков и понесли их под гору, туда, где раскинулся город Беску. В городе забаровцы, с удивлением своим встретили канцелярия генерала Платеи и не задержавшись, направлялись дальше.

* Имеется в виду заговора румынских железнодорожников в Гривнице в 1933 году, разгромленная государственным правительством.

† Красная Армия (рум.).

‡ Демокр (рум.).

Выпуск стенной газеты.
Фото А. Моклецова.

Ленинград. Завод «Электросила». Сборка мощного генератора.

Фото И. Халипа.

ТВОРЧЕСТВО

Когда Геннадий Квитчатый вышел из проходной завода, его окликнул Иван Косоцев, конструктор.

— Знаешь, у меня новость, — сообщил Косоцев, — наш главный конструктор Кузьма Васильевич Волков с Волого-Дона приехал...

— Что же он рассказывает?

— Говорит, хорошо наши экскаваторы работают, строители довольны... Но всё же кое-какие неполадки есть, да и об уменьшении веса машины надо подумать... Это и нас, конструкторов, и нас, литейщиков, кровно касается.

Друзья долго ещё говорили о том, какие вести привёз главный конструктор. И в тот вечер у комсомольца-технолога Геннадия Квитчатого зародилась мысль о создании комплексной бригады творческого содружества.

Бригада была создана во втором литейном цехе экскаваторного завода имени Коминтерна. Вошёл в неё технолог Геннадий Квитчатый, прибывший на завод по окончании Сумского техникума, конструктор Иван Косоцев, выпускник Московского ордена Трудового Красного Знамени высшего технического училища имени Баумана, стахановец-формовщик Леонид Ворошилин. Все они люди разных профессий. Но в том-то и сила бригады, что молодые специалисты как бы дополняют друг друга, вместе решают большие творческие вопросы, над выполнением которых каждый из них в отдельности работал бы месяцами, а может быть, и годами.

Одной из этих работ было усовершенствование картера — важной детали экскаватора. Долго трудились молодые радионализаторы над тем, чтобы уменьшить вес детали, улучшить конструкцию. Они чертили, высчитывали, изготавливали модели. И вот наступил день, когда в литейном цехе сделали первую пробу: начали отливать картер по новому способу, предложенному Геннадием Квитчатым и его товарищам...

...От печи веет нестерпимым жаром. Косматые языки пламени вырываются из-под шлюк электродов. Ставевар Павел Шпилов, вливая очередную пробу, вынул металл на ленту. Пробу отнес на анализ.

Через несколько минут подкурный вернётся с результатами анализа. По его улыбающемуся лицу Шпилов понял, что плавка удалась.

— Принимайте тяжёловесную! — крикнул он повеселевшим голосом.

В цехе вспыхнул ослепительный свет. Разбрызгавшая брызги, струя расплавленного металла хлынула в ковш.

Формовщик Леонид Ворошилин, невысокий, широкоплечий парень, в последний раз осмотрел собранную форму.

— Волнуешься? — спросил технолог Квитчатый Леонид.

— Дело новое. Тут всякое может быть...

— Сомневаться, значит?

— Нет. Просто непривычно. Риск...

— Конечно, — согласился технолог. — Но риск обоснованный, построенный на расчёте!

Посылавший звонки мостового крана, и вдоль пролёта пошла ковш, доверку наполненный расплавленной сталью.

Когда ковш остановился над металлическим лещиком — опокой, пожилой завышился вскриком за рычаг. Ещё мгновение — и полётел металл. Но рабочий взглянул на форму и отвёл руку от рычага.

— Ты что, дружок, порядка не знаешь? — спросил он Ворошилина. — Почему во-время форму не собрал?

— Посмотрите-ка, собрана.

— А где ещё три отверстия?

— Они не нужны, — вступил в разговор Квитчатый. — Ведь в них застывает лишний металл. А потом его срезать приходится. Зачем же металл понапрасну переводить? Мы решили оставлять только одно отверстие...

Пожавши, верно! — подумал, согласился завышился. — Мы килограммов со на каждом картере теряем.

Утром у выбитой из формы детали собралась целая бригада творческого содружества. Очтённый от горелой земли, картер оказался, как всегда, точным в размерах.

— Ни одной раковины! — восторженно воскликнул Ворошилин, осмотрев деталь со всех сторон.

— Иначе и быть не могло, — удовлетворённо сказал Квитчатый.

Затем картер попал в механический цех. Там его обработали и отправили сборщикам. Технологию, предложенную бригадой, получала всеобщее признание. На каждом отлитом картере экскаваторщики экономят теперь около ста килограммов жидкой стали.

Отличное начало! Но члены комплексной бригады не были удовлетворены достигнутыми результатами. Сколько ещё нерешённых проблем! Надо уменьшать припуски на механическую обработку, перевести ещё несколько деталей на более совершенную отливку, настоятельно снизить расход металла на каждое изделие...

Как-то Геннадий Квитчатый сказал товарищам:

— А не задумывались ли вы, как бы уменьшить расход металла на изготовление пята у стрелы драглайна? Ведь на неё идёт много лития!

— А что ты конкретно предлагаешь? — спросил Иван Косоцев. Геннадий пояснил свою мысль: он считал, что форму самой детали нужно и можно уменьшить.

— Так-то так, да выдержит ли она нагрузку? — усомнился Косоцев, рассматривая эскиз.

— А ты, прежде чем сомневаться, сделай расчёты! — сердито ответил Геннадий.

Уже вечером Косоцев пришёл в цех к Геннадию и, держа в руке листок бумаги, где ровными колонками выстроились цифры, закричал ещё в дверях:

— Выдержит, Геня! Помышлешь, получится...

Но дальше дело пошло не так гладко, как казалось сначала. Первая же заминка получилась, когда зашла речь о переделке модели для отливки пята. Старая модель уже не годилась. А делать новую — это значило давать модельному цеху заказ сверх программы. И Геннадий и Косоцев хорошо знали, что в цехе сейчас очень напряжённая обстановка. Однако они всё же пошли к главному металлургу.

— Простите, — просил, — дать модельному цеху заказ, — сказал Квитчатый, кладя чертёж на стол.

Главный металлург был настроен мрачно:

— У меня главное — программа, а ваш заказ может помешать её выполнению. Подождите немного...

Но разве можно ждать, когда всё проверено, когда ты твёрдо убеждён в своей правоте, в пользе того, что предлагаешь! Геннадий Квитчатый решил посоветоваться со старшими. Те приняли горячее участие в судьбе новой детали.

Давайте старую модель использовать, — предложили они, — только кое-что переделав...

Потребовал — получалось. Новые детали, изготовленные под руководством бригады творческого содружества, пошл на испытание. Они выдержали его. И сейчас пята, усовершенствованная молодыми специалистами, находится в серийном производстве. На каждой такой детали стадеистейный цех экономит пятнадцать килограммов стали.

Месяцы совместной работы крепко сдружили Квитчатого и его товарищей. Сейчас они работают над усовершенствованием блоков экскаваторов. Вместо стальных они предлагают лить чугуны. Это даст и экономии металла и позволит снизить трудоёмкость изготовления деталей.

Вечер спускается на землю. Серые тучи обожгли небо, из них туч, словно нехотя, сеется дождь. И вдруг края туч загораются ярким, багровым светом. Он ширится, захватывая всё больше места в небе. Он горит, словно северное сияние.

— Плавку очередную выдаёт! — тихо говорит Геннадий Квитчатый. Он уже вышел из ворот завода, но, захваченный красивым зрелищем, остановился. Сколько уже на его глазах выдали плавки! И всё-таки каждая новая плавка заставляет его волноваться и радоваться. Такова у души литейщика.

Подъезжая к путям движется состав. На платформах, вилках литейные стрелы, засыпав экскаваторы. На сикет нёсе их очертания вырисовываются так чётко, словно их обвели тушью.

Такие составы из ворот завода выходят часто. Их путь далёк. Очертания этих машин хорошо знакомы многим строителям. Но не всякий знает, что на каждой машине усилиями бригады творческого содружества Геннадия Квитчатого завод экономит по 400 килограммов металла. Хороший результат!

аворов в магазине было мало. Если покупатель оказывался чересур настальным. Ибоде покула на стороне нурный томар. Ила аворы заачнуку.

В августе 1905 года вышел первый номер газеты «Рабочий», который печатала подпольная типография на Лесной.

«Внести объединение и сознательность в рабочий класс, а через него и во всю народную массу — такова задача нашей газеты. Работы выполнения этой задачи III съезд нашей партии поручил нам издавать популярную газету в России, и в будущем по мере сил выносить трудящимся массам, чего нам и добиваться и какими способами всего лучше и вернее это сделать».

Старая Россия умирает, рождается новая Россия.

Новая Россия — это свет, свобода, победоносная борьба за лучшее будущее народа...»

За работой подпольной типографии внимательно следяли В. М. Ленин и И. В. Сталин. В связи с выходом в свет первого номера газеты «Рабочий», В. И. Ленин писал Центральному комитету РСДРП:

«Дорогие товарищи! Получил... первый номер «Рабочего». Он производит превосходное впечатление. Можно надеяться, что трудная задача несекундного популярного изложения будет им в значительной степени решена. Есть что сказать в тоне и характере изложения. Прекрасный боевой дух. Одним словом от души могу поздравить с успехом и пожелать дальнейших успехов».

Типография печатала листовки о бойкоте Бумажных дунов, о значении всеобщей политической стачки для борьбы с самодержавием, выпускала воззвания к крестьянам. Под видом «товара» иногда выпускались даже в детской кожане с ребячьим «хвостом» вывозились из лавки нелегальная литература для распространения её в массах.

В первые дни первой русской революции в типографии на Лесной было отпечатано листовки ЦК РСДРП «Во всем гражданам». В ней говорилось:

«Путь революции ясен: через народное востание к народному правлению».

Благодаря искусной конспирации типография за все время своей работы не имела провала. Типография на Лесной улице была закрыта в июле 1906 года по согласованию с В. И. Лениным. Он в подпольные подпольщики записался. И ничего не знавший хозяин дома продолжал сдавать помещение в аренду — под парикмахерскую, под банальную лавку, а новые стейщики даже не подозревали о подпольном стаффинге.

Только в 1923 году старые подпольщики открыли типографию и восстановили её в том виде, в котором она была в годы работы.

Музей революции открыл здесь свой филиал. В витрине лежат напечатанные спустя 17 лет, при расхождении типографии, лавки слесарской бумагой, доски от бойкона с типографской краской, набранные бабашки и монетки, остатки листов «К солдатам», кобура от маузера, оставленная С. Торием в типографии. Развешены на стенах портреты и высказывания по какому-то героическому пути борьбы подпольщиков, создавших эту нелегальную типографию.

Этот памятник революционного подполья посвящен многонаселенным энтузиастам трудящихся. Вот нам выразили свои чувства после посещения филиала музея рабочий одного из ленинградских заводов:

«Каково нужно самопожертвование, каково орудотворчество, каково свободное сердце, чтобы работать в таких условиях».

Они сделали то, что закрепило их героическое имя в сердце каждого рабочего, помнящего о наших днях лавры, с таким трудом добытых подпольщиками.

Мы продолжим начатое вами дело и доведем его до победного конца.

Вас мы не забудем...»

Б. КАЛАБИН

Печатная машина.

Здание музея «Подпольная типография ЦК РСДРП».

ЛЕВ НАД, 35

Залиты ярким весенним солнцем широные улицы и площади Москвы. Сверяются в голубом небе шпильки высотных зданий. Поток машин пронесется мимо многоэтажных домов, мимо широк, зеркальных витрин магазинов. И вдруг взор прохожего останавливается на необычной вывеске. Слово в далекое прошлое переносит оно каждого, кто проходит мимо дома № 35 по Лесной улице.

Отсюда торговля канавскими фруктами КАЛАНДАДЖЕ

...Эта лавка открылась в 1905 году. В витрине появились ящики с образцами товаров. При входе звеня колокольчик, приоткрыл и двери. В помещении стояли лавы с изюмом, куражом, грецкими орехами, а за мониторной доской хозяин.

Потерпевшему звенит колокольчик над дверью, в глубине прилавка с мониторой, в лавке напечатаны образцы товаров...

Но у входа, перед дверью, на белом стекле лавки нарисован «Белый Музей Революции. Подпольная типография ЦК РСДРП (большевиков) 1905—1906 г.»

Типография была создана по указанию В. И. Ленина. В то время на Кавказе, в Баку, уже работала организованная в 1901 году по инициативе И. В. Сталина подпольная типография. Однако она одна не могла удовлетворить все возрастающие потребности в революционной литературе.

Организовать новую подпольную типографию было поручено члену ЦК РСДРП Л. Б. Красину. Для прантической работы в Москву была направлена группа канавских большевиков-подпольщиков, работавших ранее в нелегальной типографии в Баку. Г. Струва, С. Ториев, К. Дашкин. Они вместе с собой принесли и типографскую машину.

После долгих поисков подпольщики нашли двухэтажную квартиру на Лесной улице рядом с Бутырской торьмой, считая, что смещаясь наверх, в голову искать здесь подпольную типографию. Документы на квартиру и торговый патент были оформлены на имя М. Каландадзе.

Комната с выходом на улицу была оборудована под магазин канавских фруктов, а другая промикала «хвостом» — подпольная типография Ибонде с женой, ребяком и «прислугой».

В подвале под квартирой, где лежали бочки и ящики из-под фруктов, был колодец для стока воды. В стене колодца подпольщики пробивали узкий лаз и под фундаментом вырыли маленькую комнату, размером 4,85 метра.

В ней были установлены шрифтоточная машина, столба бочки с типографской краской, ящики парусиновых мешочков для шрифтов, а стена накрывалась ниша для деревянных касс.

Работали в типографии две смены, по двое — наборщики и печатники. Печатали насоводы — наборщики воздуха гасли свечи, люди выжигались. Большие выдержки было нельзя.

Когда в подполье шла работа, в магазине за мониторой сидели «хвосты» и народили, а окно. С поста на противоположной стороне улицы востановили заходя в гостернившую лавку» дежурный городской «хвост» потчевали его фруктами и чаем.

Отсюда торговля канавскими фруктами на тихой Лесной улице была незначительной, то-

Первой заводилась формовщица Лидия Никитулина — бойкая блондинка девушки.

Нет, ты скажи, стахановка я или нет? Двухсотилла я или нет? Почему мне в рапорт мне сообще выработанного записываю? — говорила она мастеру, размазывая руками.

Мастер вначале отшучивался, а под конец сказал:

— Ну и бой-девка!

Обещал поговорить в ОТК. Говорить говорила, но всё осталось непоправимо: часть деталей вследствие плохой организации черновой преемки уходила из прораба не вписанной в рапорт. Таким образом, искусственно снижалась выработка и заработная плата стахановцев.

Решили созвать собрание. Полина Тухтия, бригадир формовщиц и комсорг группы, сама написала объявление: «Созываю все рабочие 5-го цеха цугнолитного цеха!»

Пригласил Д. Ф. Скопачева и А. М. Полосаря — людей, от которых зависело решение. Начальник бюро технического контроля Скопачев считал свою должность «самой ругательной» на свете. «Говорят, злой, мелочный и человек, а каждый говорит меня, то есть технический контроль, за нос провесты». Его придрочивость постепенно и незаметно для него самого переросла в привычку отыскивать, не выходя в сущность дела, и всю вину сваливать на других.

Лев Миркович Полосарь был человеком многого склада. Он называл себя не «техническим начальником цеха по производству» и малейшее выступление против своей особы считал проявлением недисциплинированности.

На собрании Полина Тухтия, немалая, ладная девушка лет двадцати, сидела в первом ряду и не сводила строгих глаз с выступавшего.

Скопачев долго доказывал, что он ничего подлого не может, и наконец объявил во всех неполадках мастеров и начальников отделения.

После собрания комсомольские группы не расходились, и Полина поняла, что все они и бойкая, говорливая Лидия Никитулина и молчаливый Владимир Кузнецов, а маленькая застенчивая Надя Чиркова — ждали от неё, человека, которого они уважали и выбирали комсоргом, какого-то важного решения.

Вот что, сказала Полина, — давайте напишем в многотиражирку! Кто возьмётся? Ты, Лидя?

— Вот ещё! — отвечала Лидя и рассмееваясь: такой забавной показывала её эта мысль.

— Ей танцевать да болтать — больше нет дела, — прокрик Кузнецов.

— Ну и что? Работаю не хуже тебя! — отвечала Лидя.

— Ладно, я сама напишу, а потом обсудим, — решила Полина.

...

В этот день после занятий в вечерней школе она вернулась в общежитие поздно. На столе укутанный старым шерстяным платком стоил чайник. Полина достаёт из портфеля тетрадку, вырывает чистый лист бумаги и задумалась. В первый раз она писала в газету и теперь испытывала «муки слова». Она вспоминала Полисара, его грубый голос и подумала о том, что заметка может вызвать неприятные для автора последствия и, если Скопачев и Полисар захотят, окажется виноватой она, Полина. Но тут же на память пришёл Александр Васильевич Маскарин — парторг цеха, человек спокойный и внимательный. Проходя по цеху, он часто останавливался возле Полины, расспрашивал о работе, о делах. Во всём его рассудительном тоне звучала большая забота, и Полина чувствовала глубокую симпатию к этому человеку.

Она решила, что Александр Васильевич в обиду её не даст, и снова взялась за перо, но нужные слова всё не приходили. Полина представляла себе, как в цех принесут газету с этой заметкой и знакомые будут указывать на статью: «Какова наша Поля!»

«Что ж это я? — вдруг опомнилась она. — Я же не для себя старюсь!»

Она решительно вызвала пероным почерком название заметки: «Нарести порядок». «Наш пролёт встал на стахановскую вахту», — писала девушка, радуясь неожиданно пришедшим словам. Дальше Полина сообщала о том, что мешает рабочим

...В первый раз Полина Тюхтина писала в газету.

успешно провести стахановскую вахту. Она писала о невинительных руководителях, о начальках и, снова, ставила калекс на гладком в клеточку листе.

...

Газету, пахнущую свежей типографской краской, первой в цех принесла всё та же расторопная Лидя Никулина. Был обильный перекур, и вокруг Полины собралась вся молодёжь из пятого пролёта:

— Вместо вызванной Полины давала обильность Лидя:

— А ты думаешь, не поместят?

В цехе Полина столкнулась со Скопаче-

Фото В. Тюхтева.

Вечером в общежитии паровозостроительного завода.

вым и оробела. Хотя она и чувствовала правоту дела, которое отстаивала, ей было неприятно встречаться с этим человеком, как будто она сделала ему что-то нехорошее. Скопачев прищурился и прищёл мимо. Он считал себя незаслуженно обиженным. В этот же день он пошёл к начальнику цеха, в ОТК завода и представил всё дело в том свете, в каком оно существовало для него.

Полисар решил попросту замолчать всю историю. «Так оно лучше», — думал он, просмотрев газету. — Шуму меньше. Ишь, недаром из ремесленного пришла, а возмущала других учить!»

Так выступление Полины в газете осталось без ответа, и вскоре и Полина и все другие рабочие пролёта это поняли.

— Что делать, комсорг! — спрашивали Полину комсомолки. — Так мы на последнем месте окажемся.

Больше всех была огорчена сама Полина, особенно после того, как отформовала 333 детали, а в репортаже ей записали только 110 штук. И пойдёт-то не к кому: Александр Васильевич Маскарин, парторг цеха, был в отпуске. А с другими членами партийного бюро она делится своими неприятностями не решалась.

Платили, и всё оставалось попрежнему. В жизни часто бывает так, что для принятия важного решения не хватает какого-либо толчка. Всё уже продумано, намечено, но если не будет такого толчка, не будет и решения.

Однажды Полина, придя в парткабинет завода, стала готовиться к полнотайпной Читаа она доклад тов. Г. М. Маленкова на XIX съезде партии.

«Коммунист не может мириться с неосластками», — думала она. — Значит, и мы, комсомолки, и все советские люди тоже. А я? Не продоху ли я мимо недостатков?»

И слова Г. М. Маленкова стали особенно понятны, словно они были адресованы именно ей, Полине Тюхтине. «Ноль и миг жалеть», — решила она, — ни в коем случае нельзя! Нужно снова в редакцию сходить, поговорить. Там люди партийные сидят, посоветуют. Может, опять нужно будет написать!»

...

В многотиражке «Куйбышевец» появилась вторая заметка Полины — «Многие пренебрежительно относятся к критике».

Вскоре Полину вызвал к себе вернувшийся из отпуска Маскарин. Она пошла к нему с радостью: «Поговорю по душам и всё выясню».

Маскарин, всё такой же спокойный, неторопливый, подмигнул ей стул и начал прямо:

— Ты поступила совершенно правильно, как и следует настоящей комсомолке. Мы выписали Скопачева и Полисара на бюро. Вынесли им выписки. А сейчас я позволю Скопачеву, и ты вместе с ним, — тут Маскарин улыбнулся, — вместе с ним продумай, что нужно сделать...

Со Скопачевым Полина пошла в цех. Она всё хотела заговорить с ним, но не решалась. Скопачев, который многие передумав за последние дни, начал первый.

— А ты... того... молодцом, — проговорил он с видимым усилием, смущаясь за свою неовошность.

...

Всё было улажено в несколько дней. Полина не помнит, когда и кто впервые назвала её «нашим корреспондентом». Скорее всего Лидя Никулина — самая острая на язык подружка.

Александр Васильевич Маскарин, после того как в газете появились фотографии Полины как лучшей стахановки цеха, поздравил её:

— Ну что, наш корреспондент, теперь не только твои заметки, а даже и твои фотографии печатают?

Выбрав свободную минуту, Полина написала письмо сестре, с которой всегда делилась всеми своими переживаниями. Начала она по обыкновению с описания последнего концерта в клубе. Написала и о том, что на неё было красивое шелковое платье, которое купила на премиальные, и что фотографии её помещены в газете. Но тут Полина сбилась с привычного тона и стала писать о том, как её прозвали «нашим корреспондентом», хотя какой же она корреспондент? Просто поступила, как и обязана была поступить комсомолка...

А потом в газете стали появляться и другие её корреспонденции. Под одними стояла подпись «П. Тюхтина», под другими — «Рабковский поэт».

г. Коломна, паровозостроительный завод имени В. В. Куйбышева.

Земля в цвету

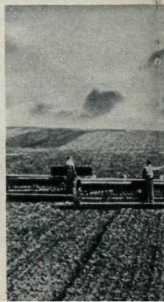
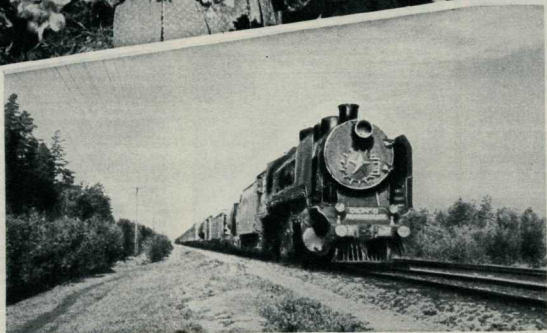
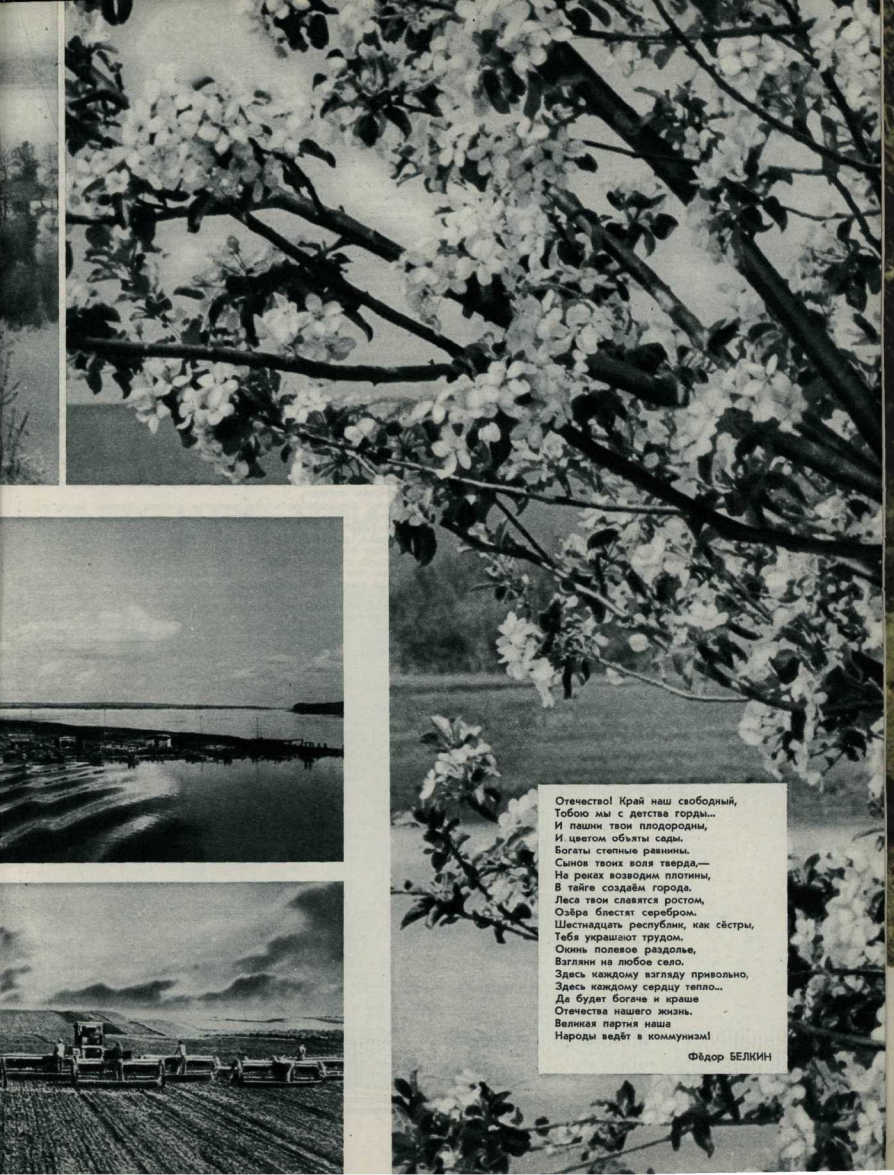

Фото В. Еллинской, И. Туикелли и А. Гаранина.

Отечество! Край наш свободный,
Тобою мы с детства гордым...
И пашни твои плодородны,
И цветом обаяны сады.
Богаты степные равнины.
Сынов твоих воля тверда,—
Не реках возводим плотины,
В тайге создаём города.
Леса твои славятся ростом,
Озёра блещут серебром.
Шестнадцать республик, как сёстры,
Тебя украшают трудом.
Оюны полевое раздолье,
Взгляни на любое село.
Здесь каждому взгляду привольно,
Здесь каждому сердцу тепло...
Да будет богаче и краше
Отечества нашего жизнь.
Великая партия наша
Народы ведёт в коммунизм!

Фёдор БЕЛКИН

С. НИКИТИН

ЛИДОЧКА

Рассказ

Уезжая на работу в районный центр Белокаменск, Лидочка Остановова прощалась не только с родителями и институтскими друзьями, но и со всем, что было ей дорого с детства: с тихой улицей на окраине, откуда она ездila в институт на автобусе; со своей комнаткой, оклеенной голубыми «детскими» обоями; со старым салом, что рос за домом. В сад она вышла вечером, когда всё к отъезду уже было готово. Сквозь тёмную листву слышала необыкновенно бо́льшую орнаковую аулу, от яблонь на траву, на стену дома, на забор падала тень — все в зыбких промежутках бледного света. И казалось, что сад колышется, струится, словно он нарисован на лёгкой полупрозрачной ткани. Изадеалка, со станции, доносилась в тишине вечера гудки паровозов. Лидочка шла, стараясь задержать лицом прохладные актеры деревьев, потом останавливалась, протирала руки, и на них тоже упала зыбкая тень.

— До свидания, милый сад! — сказала Лидочка торжественно и грустно и ждала, что на гала, как она думала раньше, начнутся салы, но почему-то не было ни салё, ни предвкушаемой грусти, а только несущаяся радость пошла со салкой тревогой, внезапно разбуженной далёкими паровозными гудками.

По-настоящему грустно и даже тоскливо стало лишь по вокзалу, когда Лидочка увидела из окна вагона, как мама стала судорожно выплывать руку из кистей шелкового платка, чтобы помахать вселю поезду. Лидочка отступила в угол, прислонилась затылком к холодной вагонной стенке и, закрыв глаза, до христа сжала пальцы. Она впервые уезжала одна так далеко от дома, впервые прибавлялась к тому, что зовётся «самостоятельной жизнью». И эта жизнь, которая майла её всё время своей неизвестностью, вдруг показавшаяся ей бесконечно одинокой.

С таким настроением Лидочка приехала в Белокаменск. Она переночевала в огромной, сплошь заставленной узкими кроватками комнате Дома колхозника и завтра пошла в заветном районным отделом сельского хозяйства. Голые стены и полковой телефон на фанерном столе придавали кабинету какой-то похотный, штабной вид. Девушка выложила свой диплом агронома и направление на работу перед সুখনিшим рижским человеком. Он долго читал выкладку с отметками. В ней была одна тройка по английскому языку. Лидочке казалось, что заведующий смотрит только на эту запоздавшую тройку, и от этого было мучительно неаково.

— Вот и познакомились, товарищ Остановов! — без обиничи в этих случаях улыбки сказала заведующий, откладывая диплом. — Рады вам. Специалистами нам вот как нужны!

«Домой хочу», — думала Лидочка, чувствуя, что глаза её наиважнее салем и старалась не отрываться из-под от фанерной крышки стола, заканпанной клеём и чернилами.

— Председатель колхоза «Авангард» давно просит агронома, — слышала она голос заведующего, доносившийся до неё как будто издалека. — Мы решили вас направить туда, в самую, так сказать, гущу. Это и для вас интереснее, чем составлять сводки в отделе.

«Поезд до ближнего от колхоза полустанка уходил рано утром. Не зная, как скоротать время, она вернулась в неуютную комнату Дома колхозника; села на подоконник и стала глядеть в окно. Шёл дождь, на стекло налипала мелкая чешуя капелек, сквозил всё всё казалось рыхлым, серым и несным. Лидочка вышла однашней у бровенчатой колонны, видела, как под полами у них ходили вразвалку раскормленные домашние утки; среди них она заметила маленькую сутулую дикарку. Утки, видимо, не любили её: то и дело норовили клюнуть или оттереть от лакового куска. Лидочка усмехнулась: может быть, и её так же встретит в чужом краю? Но тут же, устыдившись, спохватилась: «Как глупо! Разве и не бывала я в колхозах на практике и не знаю, как там относятся к специалистам».

Но и эта мысль не рассеяла тоски. Лидочка крепилась ещё несколько минут, потом вспомнила мамину руку, запутавшуюся в платке, прижалась лбом к раме и заплакала...

«Когда железный грохот поезда замер вдали, на полустанке воцарилась тишина».

Дождь, начавшийся вчера, прошёл. Старая берёза, волнуясь на ветру, ещё роняла прозрачные капли, но уже всё была пронизана необыкновенно ясными лучами послеполуденного солнца. От земли, вспрыснутой дождем, поднималась пар, и всё даля с частым березником, с квадратными полями струилась и пылала... «А здесь хороших» подумала Лидочка. Она остановилась на порог, ожидая, что к ней подойдет кто-то вопреки ожиданиям заведующего её никто не встречал. Она выгнула на свою затёкшую ладонь с багровым рубцом от чужеродной ручки и снова почувствовала себя одинокой и очень несчастной.

Человек в фуражке с красным верхом прошёл мимо, пригладываясь к ней. Девушка успела заметить, что молодой лицо с тонкими подтяжками губами имело вид человека, словно он готовился сообщить что-то очень смешное и только выжидал подходящий момент. Он прошёл по перрону, вернулся и спросил бойрым, почти мальчишеским голосом:

— Не вы будете агроном Остановов?

— Я.

— Очень рад! — словно рапортуя, отчеканил он. — Начальник станции Вязовка Пётр Анисимович Цветков. Звонил из колхоза «Авангард» и просил подождать, если произойдёт задержка машины по случаю плохого состояния дорог после грозы. Прощу прийти в помещение вокзала.

Было видно, что он изю всех сил старался выглядеть серьёзным и солидным, но улыбка так и растепляла его широко, полнокровное лицо. Глядя на него, улыбнулся и Лидочка.

— Спасибо, — сказала она. — Там, наверно, душно. Я здесь подожду.

— Точно, душно, — согласился Пётр Анисимович, и отступил на два шага, стало строго оглядывать свои владения, видимо, осуществляя таким образом надзор за порядком.

Лидочка присела в тени берёзы на чехол. Вскоре на просеке показалась «Победа». Подпрыгивая на ухабах, она выехала прямо на перрон и лихо затормозила возле начальнической станции. Из-за руля выскочила девушка в лёгком пёстрым платье, в косынке, завязанной под подбородком.

— Здравствуй, Петька! Где агроном?

Пётр Анисимович нахмурился и кивнул в сторону Лидочки.

— Здравствуйте, — сказала девушка, крепко, по-мужски встряхивая её руку.

Помогая Лидочке укладывать чехол, она успела сообщить, что её зовут Нюшкой, что машина едва пробралась по нынешним дорогам, что она советовала выехать за агрономией лошадей, но не успела, таксиста на машине, что сам он тоже хотел ехать, но стали звонить из райкома, и он задержался... Глядя на смуглое, энергичное лицо Нюшки, опущая какую-то шригательную силу, исходящую от неё, Лидочка подумала: «Вот такая не запалает, хоть на Камчатку её посылал. Поедет, едет, туго, и всё! И её вдруг стало очень хорошо и покойно от присутствия этой надёжно сильной девушки».

По пути они обогнали несколько гружённых зерном машин, переключая через мост и останавливаясь.

— Искушались! — предостерегла Нюшка.

Разморённые жарой, девушки долго лежали на горячем песке.

— Во-он наша Сосновка, — сказала Нюшка, лениво протягивая руку.

— Будем говорить на «ты», — предложила Лидочка.

— Будем, — согласилась Нюшка.

— Нет, нет, всё-таки здесь очень хорошо, — ещё раз подумала Лидочка, подошла к воде, окуная до подбородка, чтобы не замочить волосы, и поплавала, фыркая и громко смеясь.

— Тебе комната у Любы приготовлена, — сказала Нюшка на выходе в Сосновку. — Я тебя прямо к ней доставлю, отдыхай.

На крыльце новой трёх-пятистенки Лидочка встретила немалую женщину. Волоса у неё были маслянисто-финые, полные щёки отнюдь пылали, выпуклые глаза смотрели властно, и вся она — массивная, широкая, литая — была из тех, кому имя «парь-баба».

— Молодая-то какая! — повчале говорила она, ведя Лидочку в избу. — Устала, бедная? Холодного молока хочешь? Или кваску?

— Да, очень пить хоту, — сказала Лидочка просто, как сказала бы матери, и ей показалось, что она уже давным-давно знает и тёту Любу, и её чистую горницу, увешанную фотографиями, и даже некресиво кота, восседавшего на лежанке.

Тётя Люба ушла в погреб, а Лидочка стала рассматривать фотографии. В простенке, как выдано, на почётном месте, висела двупятная фотография парня с выскальковыми глазами и крупными пшеничными кудрями, упавшими на лоб. Этот же парень был снят в гимнастёрке с петлицами рядового бойца, в кителе с погонами лейтенанта, в полушубке с полевыми капитанскими погонами.

Можно войти?

Лидочка вздрогнула и обернулась. На пороге стоял невысокий паренёк в белой рубашке и смотрел на Лидочку внимательными, умными глазами.

— Можно, — тихо сказала она, почему-то смущаясь от этого взгляда.

Он шагнул через порог, подал ей руку.

— Секретарь комсомольской организации Нестеров. Пришёл познаться.

Оба неловко помолчали, выбирая, какой тон взять в разговоре — дружеский или официальный. Наконец Нестеров, очевидно, решив, что для первого знакомства больше подходит официальный, спросил:

— Вы комсомола? Да? Вот и хорошо! Будете, значит, нам помогать. Я давно хотел организовать для нашей молодёжи цикла лекций по агротехнике. Вот вы и...

— Успел уже! — перебил его тётя Люба, появляясь в горнице с ирландкой в руке. — Ступай, ступай! Дай человеку отдохнуть с дороги! Секретарь, а сознательности нет. Приходи завтра.

— Я не устал, — пробовала заступиться за Нестерова Лидочка, но тётя Люба энергично вытеснила его из горницы, и он, держась за косыки и улыбаясь, успел только крикнуть:

— Подумайте о лекциях!

Лидочка шла холодное молоко, ела душистый, ржаной хлеб. Тётя Люба, сложив руки на груди, ласково смотрела на неё и лучисто улыбалась, словно наконец дождалась какого-то своего счастья.

— Это кто? — спросила Лидочка, кивнув на цветной портрет.

— Потомбный сын, Павлуша, — спокойно отвечала тётя Люба. — Тоже в своё время на агронома учился. У него, скажу тебе, талант был к нашему крестьянскому делу. Была...

И тётя Люба принялась рассказывать, как её Павлуша занимался какими-то непонятными ей опытами с почвой, как вырастила рассаду, как плакала по ночам от неудач.

«Может быть, у меня нет такого таланта, — думала Лидочка, слушая её, — но, милая тётя Люба, я буду работать очень много... и за себя и за Павлушу... Я буду стараться. Вы верите мне?»

Она хотела бы сказать всё это вслух, но понимала, что для тёти Любы, для Нюшки, для Нестерова, для Петра Анисимовича Петкова, для всех хороших знакомых и незнакомых людей важнее всех слов и заверений её дела, и поэтому промолчала.

Л. СОФРОНОВ

В ЦЕХ ПРИШЕЛ НОВИЧОК...

Фото В. Сергеева.

— Ой, девочки! В комиссии все такие строгие, такие строгие!.. — изволнованным и торжественным шепотом проговорила Надя Тыртова. — Прими же знаю, как это я сумела ответить!

— И директор училища там? — спросила Маша Росникова.

— И директор, и мастер, и с завода — толстый такой, но, кажется, добрый — мне ни одного вопроса не задал...

— О чём спрашивали?

— А куда пошёл, не сказала?

— Да подождите, девочки! — перебила Маша. — Куда пошёл, туда и поедом. Вопросы трудные задают?

— Значит, так... Спросили меня о том, какие бывают резы. Ответила. А потом директор улыбаясь в спросил: «Ну, а как вы станете нарезать остроугольную метрическую резьбу?» От этой улыбки у меня всю память отшибло. Запнулась, а мастер наш смутился, каплянула в кулак и глаз не поднимает. «Нет, — думаю, — не подкупи! Ведь сколько раз эту резьбу приходилось делать!» В общем отделила на все вопросы. Стали они совещаться. Потом председатель комиссии встал и торжественно говорит: «Подражаем вас, товарищ Тыртова! Государственная комиссия присваивает вам звание токаря четвёртого разряда. Аттестат об окончании ремесленного училища будет вручен вам на торжественном вечере. Тут я совсем растерялась и вылетела из кабинета, даже забыла поблагодарить.

...В разгорячённое лицо девушки пахнуло прохладным ветром. Недалеке громко проходила электричка, уходящая со станции Ступино в Москву. Широко улыбаясь, Надя оглянулась на здание училища: «Ну, вот, учение позади! Итак, где бы вы хотели трудиться, токарь четвёртого разряда товарищ Тыртова?» И сама себе отвечала: «На стройках коммунизма! Ведь токари там нужны. Вот если бы послали на строительную Куйбышевской гидроэлектростанции! Или на Каховскую ГЭС. Нет, скорее всего попаду в Куйбышев. Ведь недаром оттуда представитель приехал в наше училище».

На другой день выпускникам объявляли, кто и куда направляется. Вначале звали фамилии тех, кто должен был ехать в Куйбышев.

Тонарь Надежда Тыртова и контролёр ОТК цеха Ранса Борцевская.

Надя слушала напряжённо. Когда же назовут её? Директор берёт в руки уже другой список, а фамилия Тыртовой так и не названа.

— Как же так, Виталий Юрьевич, — громко и обижено говорит Надя, — мы, наверное, пропустили меня?

— И меня! — восклицает Мама Рослякова. Директор разводит руками:

— Ксес в Куйбышев не могу отправить. Ведь и на других заводах нас ждут с истериею.

— Мы очень просим постыть нас в Куйбышев!

— И нас! — хором подхватывают остальные выпускники.

— Видите, — директор улыбается, — вот если кто из направленных в Куйбышев откажется, то можно будет поспешить замену.

— Ни за что! — едновременно заявляют «куйбышечки».

Надя опускает голову. Вот тебе и поехали! — Надя Тыртова и Мама Рослякова будут работать на Люберецком заводе сельскохозяйственных машин, — слышит Надя голос директора.

— Электричка мчится среди подомосковских полей. В вагоне напротив Нади сидит сухопарый старичок с пушистыми седыми усами и убежденно говорит:

— Завод наш, доченька, заслуженный... Он ведь и именуются как: ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени завод имени товарища Ухтомского!.

Бережно разглаживая усы, сосед задумчиво смотрит в окно.

— Вот она, наша продукция! — с гордостью в голосе произносит он и кивает в окно, где виден встречный товарный поезд. Надя принимает лицом к стеклу. На каждой платформе машины, машины, машины...

— А какие это машины?

— Машины-то? Тут и лыкомобилины, и жатки, и сеянокопилки.

От ступени до завода рукой подать. У проходной Нади несхотко прощается со старым рабочим и бежит в отдел кадров.

— Вы направляетесь на механический участок, в цех жаток, — говорит ей там.

И вот Надя переступает порог цеха. Надя решительно идёт вперёд. Она слышит, как один из токарей громко кричит другому:

— Новенькая! Из ремесленного! А шагает-то, словно старший мастер! С характером, видать! Надя всхлипывает и говорит строго:

— Вот запрещаю, тогда будет тебе мастер...

— Смотри, как бы сама не запоролась! — обижено отвечает паренёк. — Ишь ты какая нахалка!

Мастер внимательно выслушивает Надю и говорит:

— Во-время приходи! Токари нам очень нужны. С токарно-револьверным станком знакомы?

— Нас в училище со всеми станками знакомили.

— Вот и хорошо! Будете работать в комсомольско-молодёжной бригаде Вали Першиковой. Обрабатывать придётся шестерни для картера самоходного комбайна. Слышали о такой машине?

— Ещё бы! Мама писала из колхоза, что у них на уборке урожая сейчас работают самоходные комбайны.

Мастер с интересом наблюдает за Надей. Надя идёт рядом с мастером вдоль длинного ряда новых станков, стараясь заранее угадать, за каким же из них придётся трудиться ей. «Новый станок, наверное, не доверит сразу, — мелькает у неё в голове, — придётся поработать первое время на стареньком. Да это и неплохо: пусть узнают, что ремесленники ни от какой работы не откажутся!»

Но к надвигшемуся мастеру водоводит её к сверкающему свежей краской станку и, похлопав ладонью по блестящему патрону, ласково произносит:

— Хороший хозяин на таком станке торжм может своротить! Вот, Надюша, осматривайся.

Надя подходит к станку. Нет, на таком ей не приходилось работать. Этот станок, видимо, новейшей конструкции. Как жаль, что Мама придёт на завод только ещё через несколько дней! Вместе было бы веселее.

Рядом с Надей останавливается стройная белокурая девушка.

— Будем знакомы, фамилия моя — Першикова. Зовут Валентиной.

— А меня Назежко! — Так вот, Надя, если что неясно будет, спрашивай. И я и мастер охотно объясним всё непонятное.

Спасибо!

«Не такая уж сложная работа, — думает Надя, знакомясь с чертежом, — сверловка, зенковка отверстий и подрезка торца шестерни. Справлюсь!»

Но первую же деталь она «запоролась». Наде показалось, что паренёк, работавший неподалёку, ехидно смеётся. Надя осторожно положила испорченную деталь на тумбочку и, прикусив губу, снова включила мотор.

Положила Вали Першикова. Внимательно осматривала шестерню и просто сказала:

— А ты бы, Назежа, попробовала заточить сверло по-другому... Пойдём, я покажу, как мы это делаем.

Через несколько дней Надя встретила на заводе Машу, подружку по училищу.

— Ну, как работа, Наденька? Норму выполняешь?

— Выполнять-то выполняю, а вот всё же брак получается. А ведь думала, что сразу стану стахановкой.

Москва не сразу строилась! — успокоила её Мама. — Спешить, наверное, вот и получается брак.

— Не хочется от других отставать, — призналась Надя, — а люди в нашем цехе хорошие. И секретарь комсомольской организации со мной беседовал и мастер. Успокаивают, будто и не замечают. А чертёжик разряд напрасно мне, что ли, присылили!

Незаместо дело дни. И поистине Надя и Мама перестали чувствовать себя новенькими в цехе. Им уже казалось недостаточным то, что они успешно выполняли нормы и не допускали брака. Хотелось работать, как Кормилицыни, Москвичи, Папуша — передовые люди цеха, выполнявшие более двух норм за смену.

И когда мастер Алексей Алексеевич Федосов похвалил Надю за новый чертёж, она стала изучать его особенно внимательно. Не чьм бы здесь сэкономить время?

— Эта работа сложное дело, — итеропливо, — и сплюснво сказал Алексей Алексеевич, — тут надо очень маленькую — в несколько соти тысяч миллиметра. А детали эти — корпус подшипников для жаток. Как видишь, тебе придётся две операции производить: сначала прозенковать два отверстия и проточить канавку для шестерни, а в торцовых операциях подрезать торцы и обточить детали на оправке.

Несколько дней Надя думала над тем, как бы ускорить обработку, чтобы давать в смену не тридцать деталей, а, допустим, пятьдесят. И она решила. Остаток тут же пошла в свои соображениям с Валий Першиковой.

— Это здорово! — воскликнула та. — Пойдём-ка к Алексею Алексеевичу!

— Очень просто, — сказала Надя, — мы вот с Валий предлагаем объединить эти две операции в одну. Выполнить обе операции одновременно. И тогда сразу же поднимется производительность.

Алексей Алексеевич улыбнулся:

— Ну вы, горючие! Как у нас всё просто! Но Надя озадачила его со своими расчётами, которые были действительно убедительны, и мастер сказал:

— Ну что ж, давайте попробуем! Выходит, недаром в ремесленном училище?

Федосов пошло знакомство, понял, что эта высокая девушка с тонкими чертами лица и упрямым подбородком станет хорошим токарем. За любую работу Надя бралась охотно и делала её с огином.

Надя решила — порадова в конце смены к станку Тыртовой, освеселился мастер.

— Пятнадцать корпусов подшипников, Алексей Алексеевич, и ни одного с браком! — сияя, сообщила Надя.

— Значит, её зря ломали технологию? — спросил зря! Уверена, что можно будет сделать и больше!

И действительно, спустя неделю Надя уже делала во семьдесят, восемьдесят деталей в смену, выполняла по две нормы.

Мама Рослякова, которую избрали групповым участником, гордилась успехами подружки не меньше, чем своими.

— Молодец, Наденька! — сказала она. — Недаром ещё в училище твои работы называли золотыми. Да, кстати, это правда, что ты решила идти учиться в техникум?

— Правда. Наю же думать о будущем!.

— В институт!

— А о стройке коммунизма уже не мечтаете?

Надя задумчиво поправила прядку волос:

— Знаешь, Мама, я над этим долго думала. По-моему, стройки коммунизма в нашей стране сейчас повсюду...

— Оглядись перед названием смены в цехе появилась счастливая девушка со смущённой улыбкой на лице.

— Новенькая!

— В цех пришла новенькая! — полетело от стипка к станку.

Десятки молодых глаз наблюдали за ней. Но вот был дан сигнал, возвещающий о начале трудового дня. Ровно загудели моторы станков. Токари, строгальщики, фрезеровщики склонились над деталями.

А мастер Федосов подвёл Раю Миняеву к станку Нади Тыртовой:

— Вот, Надя, познайомься со своей ученицей. Постарайся, чтобы она стала таким же токарем, как ты...

— Постарайся! — радостно сказала Надя, и от счастливой улыбки всё лицо её просветлело и на щеках появились ямочки.

Рабочий день окончен. Комсомолцы ждут куда идти на занятия.

Юные авиамодельисты.

Фото В. Тюхля.

Вальс «Юность». Исполняют учащиеся Московского хореографического училища при Государственном академическом Большом театре Союза ССР Н. Филиппова и С. Власов.
Фото Д. Григорьева.

Вера СПИРИДОНОВА

РОДНОЙ ДОМ

Рассказ

Смеркалось, когда поезд остановился на глухом полустанке, затерянном среди заснеженных полей и перелесков. По обе стороны железнодорожного пути теснились старые, ссытые от виев сани. Асс стола молчаливый, таинственный. Даже приход поезда не мог, казалось, вспугнуть насторожённой тишины, царившей здесь.

Эдгар соскочил со ступенек вагона и, вдыхая знакомый, солоноватый от близости моря воздух, осмотрелся. Немного пассажиры, что сошли здесь, разбрелись в разные стороны, словно растаяли в белесоватой, морозной мгле. Не видны были под елями и подводами из окрестных хуторов, ожидавшие обычно приезжих. В стороне от путей стояла лишь легковая машина. Двое парней в ватных распахнутых куртках торопливо грузили в неё корзины с пивом. Возле машины, с любопытством поглядывая на освещённые огни вагонов, прогуливались девушки. Из-под клетчатой, небрежно повязанной косынки выливались светлые, уложенные пышным валиком волосы. Девушка внимательно оглядела проходящего мимо с небольшим чемоданом Эдгара, одетого в тёмную шубу с серым каракушным воротником и такую же сумку, надвинутую на уши шапку. Когда он немного отошёл, девушка негромко спросила:

— Кому в колхоз «Копдарбс»?

Может быть, этот вопрос относился к нему, Эдгару? Но он не ответил. Ему писали, что после укрупнения колхоз «Узавра» стал называться «Копдарбс». Но ему незачем спрашивать дорогу, когда он вышел в этих местах и каждая лесная тропинка знакома, как родной дом. Стоит пересечь лесок, пройти вдоль заросшего частым ольшаником болота, свернуть у расщеплённой молнией сосны влево, — и он дома.

Девушка села за руль. Светлая полоса упала на притоптанный снег и углубилась в красноватые стволы осин. Машина свернула за строения и исчезла в лесу. Ушёл и поезд, обдав Эдгара клубами пара.

Сколько времени он не был в этих краях? Эдгар покинул алтайскую землю в первый год войны, ещё парнишкой, и только после окончания войны ненадолго заглянул к старикам, чтобы снова отправиться в путь, теперь уже для учёбы. По-

сле ранения на фронте Эдгар лежал в госпитале в одном из далёких сибирских городов. Там ему помогли подготовиться и поступить в геологический институт. Каждое лето проводил он на практике в экспедициях по тайбской гвиции, побывал в горах Алтая, Сихотэ-Алиня, на Сахалине. Вместе с дипломом геолога-разведчика ему вручили приказ срочно отправляться на изыскания в район Иртыша, где намечалось сооружение мощной гидроэлектростанции. И только теперь, получив отпуск, Эдгар мог повидаться со стариками.

Он снова в родных краях! Высокие косматые сани, словно старые знакомые, приветствуют его. Скоро опушка, и ему ещё издали дружные подмигивят знакомый огонёк... Как-то жинут старики? Ясен Салаздынь писал сыну скупые, короткие письма: «Жинём хорошо, приедем, убедимся сам. Хасба, салава бог, в достатке, о прежней нужде забыли и думать. Мать тебе каинется, ждём домой».

Так, не вдаваясь в подробности, писал обычно старый Салаздынь, и Эдгару стоило больших трудов разбирать его неуказанные, наезжающие друг на друга каракули. Эдгар решил не предупреждать родных: его приезд будет для них, словно снег на голову.

Эдгар представил, как бесшумно подкрадётся к дому и осторожно заглянет в окно. Отен, наверное, сидит у стола и, придивляясь к себе керосиновую лампу, перебирает заглублёнными пальцами семейные фотографии или переластывает старые календари, у которых из-за бережливости никогда не отрывали листки. Так делал он раньше в новогородские праздники. А мать поправит бумажные цветы на маленьком, унизанном основными шишками ёлочке и станет суетиться возле стола, накрывая его праздничной скатертью. И будет, как и всякая мать, с грустью думать о сине. Где-то сейчас её Эдгар?

Припомнился и старик, покосившийся отцовский дом, покрытый обшарпаной дракой. Каждую осень отец алтай прогнанным крышу новыми кусками шепы, и они перестраивали на ней, точно заплата на одежде бедняка. Вокруг хутора лежало каменное, наполовину заболоченное поле.

Теперь Эдгар знал, откуда появились здесь эти круглые, обточенные ветрами и

водой валуны, лежавшие со времён ледникового периода. Мальчишкой же он настойчиво допытывался у отца: «Откуда взялись эти камни?» «Господь послал их нам в наказание, сынок», — вздыхал Салаздынь.

Может быть, от них и согнулась спина у отца, а на руках синими узелками набухли вены. Сколько перетаскала он их на своём веку на полевую межу, и сколько их оставалось ещё в бороздах! Никаких сил не хватало справиться с ними, и зимой они чернели на снегу, как став ворон.

В раздумье Эдгар вышел на опушку леса и в замешательстве остановился, потягивая по сторонам. Неужели он заблудился в этих местах? Он хорошо помнит, что за лесом километра на два дварелово боато. Перед ним же вместо кочковатой, заросшей по бокам чёрной ольхой тропинки лежала пирамида, хорошо укатанная дорога. По обеим сторонам её ровными рядами тинулись молодые ёлочки, заботливо укутанные от мороза и зайцев толстыми слоём соломой. Но вскоре он успокоился: на пригоне на снежном фоне поля темнела знакомый силуэт сосны. Её голые, опалённые сучья, будто крепкие узловые руки, бережно поддерживали гнездо аиста.

Вокруг поперезимью было мглисто, только белая ответс снегов помогла угадывать путь. Однако как Эдгар ни вглядывался в сорку, мутоватую даль, отней не было видно. Он свернул с дороги и пошёл по лесу, то и дело спотыкаясь о замёрзшие, припрощённые позёмкой борозды. У старого каёна остановился. Эдгар готов был поклясться, что на месте глубокой, наполовину забитой снегом ямы и находился хутор отца.

Что бы это значило? Куда девался дом? Не случилось ли несчастья, или старики переехали на другое место? Но в том и в другом случае отец бы известил его. Надо дойти до Карканы и узнать о родных. Насколько он помнит, Петер Карканы — их ближайший сосед. У него была дочка Айна, свестришка Эдгара, с которой он пас скот у местного болате Рейгольда. Часто, затерявшись в прятки среди камней, они не замечали, как ошцы убежали в ослы. За это им порядком влетало от хозяина. Айна всякий раз громко плакала,

размывшая по лицу саймы. А когда они оставались на лужке пядью, усаживаясь на кожку и мечтательно глядя в небо, говорила:

— Была бы я птицей, тогда бы ему ни за что не догнать меня! Захотела бы крыльями и улетела. Пусть бы тогда позвались! — И смеялась сквозь слёзы.

— Где теперь Айна, выросли ли у неё крылья? — с улыбочкой подумал Эдгар.

Он не нашёл и дома Каркиния. На его месте лежала груда камней. На чистом полотноце снега темнели свежие зачёрканные следы.

Выйдя снова на дорогу, Эдгар усаживал шум машины. Это было как неалая кати. Он порядком устал бродить по полям, и рука совсем онемела от чмодаана. Конечно, его не откажутся подвести до станции, где он решил скоротать ночь. Он отошёл к обочине дороги и только что хотел поднять руку, как машина остановилась. Дверца открылась, и из неё выпрыгнула та самая девушка, которую он встретил на станции.

— Вы Эдгар Славздынь? — неожиданно спросила она, пристально всматриваясь в его раскрасневшееся от мороза лицо. И, не дав ему ответить, уверенно добавила: — Ну, конечно, это вы!

Откуда вы знаете меня? — невольно улыбаясь, спросила она.

— Я узнала тебя ещё на станции, — быстро ответила девушка, не замечая в волнении, что перешла на «ты». — Почти узнала. Когда ты прошла мимо, я подумала: где я увидаю этого человека!

— Теперь и я узнаю тебя, — перебила её Эдгар. — Ты Айна Каркиния, пожалуйста, не отпирайся.

— И не подумаю, раз это так, — тряхнув головой, рассмеялась девушка.

— У меня пропажа, Айна, — развёл руками Эдгар.

— Знаю, ты потеряла хутор, — лукаво улыбаясь, сказала она. — Сидишь в машину. Вместо одного хутора ты найдёшь целое село...

— Разве старики перебрались на другое место? — усаживаясь рядом, удивлённо спросил Эдгар. — Мне ничего не писали...

— Не успели. Мы только недавно перебрались. За одну осень переехали в колхозный центр тридцать хуторов. Я сама была, как отец твой говорил: «Вот отпразднуем новоселье, прибуду к дому номер и сообщу Эдгару новый адрес». А матушка гонялась: «Приедет Эдгар, не найдёт родного гнезда»...

— Так и вышло. Я холма битых два часа. И если бы не ты, Айна...

— Я всю дорогу, пока ехала до станции, ломала голову: где же я увидаю этого чело-

века? — продолжала Айна. — И когда уже сел за стол и твой отец разлил по кружкам пиво, меня точно осенило. Ведь это же Эдгар, — подумала я. — Он пошёл как раз той тропинкой, что вела на старый хутор. Придёт — там дома нет. Я незаметно вышла из-за стола и, не сказав никому ни слова, села в машину. Если это действительно Эдгар, вот Славздыням будет подарок!

— А я шла и думал о тебе, Айна. — Не верю, — покачав головой, усмехнулась девушка.

— Я шла и думал: выросли ли у Аины крылья?

— И как, по-твоему? — не глядя на него и чуть-чуть улыбаясь, спросила Айна.

— Конечно, выросли. Я знал тебя папухой, а теперь ты пофёр!

— Пофёр? — переспросила Айна. — Чуть-чуть не угадал. Я агроном. В прошлом году окончила сельскохозяйственную академию в Риге. А на этой машине работает бригунка Лаймонис. Ты, наверное, помнишь его?

И, рассмеявшись, оживлённо добавила: — Сегодня он нацудил. В Доме культуры у него спектакль. Он играет старика. Нашёл у матери пучок пакли, ещё лёмм наклава бороду и усы, смастерил парик и ни за что не хотел разгигимироваться.

И, говорил, аживаясь в образ. Вот и пришлось мне на станцию за него ехать.

Зорко всматриваясь в дорогу, она доехала до развилки. Эдгар снова увидел молодые носочки.

— Я бы уверен, что заблудился, — сказал он. — Ведь места эти болотистые. Откуда же взялись улыбочки?

— Болото было, верно, — ответила Айна. — А теперь, как видишь, нет. Толи мы высушили, всё лето работала экскаватор... Земля засыпана хабом, а песчаного гектаров комсомольцы засыпали хабом...

Машина осторожно спускалась с пригорка. Впереди мелькали огни. Их было так много, что Эдгар снова не узнала местности.

— Не пойму, где мы едем, — смущённо признался он.

— Да всё по старым местам, — пояснила Айна. — Только раньше здесь по ночам стояла кромешная тьма, а теперь всюду электричество. Да и настроили мы здесь порядком. Видишь? Вот огни. Это наши фермы и птичники. Поблизко к селу колхозная электростанция. А вправо стадион, Дом культуры, школа.

— Да вы, я вижу, целый город выстроили! — удивлённо воскликнула Эдгар.

— Город не город, а к концу пятилетки будет благоустроенное село, — с гордостью ответила Айна. — Сегодня мы празднуем новоселье.

«Победа» выскочила на широкую, обсаженную по бокам молодыми липками улицу. Из ярко освещённых домов доносились весёлые приглушённый шум. В морозном воздухе отчётливо раздавался знакомый голос московского диктора.

Айна выключила фары. Машина остановилась, и Эдгар понял, что он у дома отца. — Только тихо, — баста гавать, предупредила Айна и, как в детстве, крепко схватила его за руку. — Пусть будет всё неожиданно.

Невольно поддаваясь её настроению, Эдгар на лыпчочках подкрался к окну.

Он увидел просторную комнату. За большим, празднично накрытым столом сидело много гостей. Среди них Эдгар узнал Петра Каркиния, Айна Берзина, который, судя по письмам отца, был организатором и бессменным председателем колхоза. Возле стола халопатла мать с радужной, молодой улыбкой.

Неожиданно шум голосов смолк. Из-за стола поднялся отец. Эдгар с улыбкой, не отрываясь, всматриваясь в него. Он чувствовал рядом с собой горячее дыхание Аины и, не глядя на неё, знал, что она тоже улыбается и едва сдерживается, чтобы не стукнуть в окно и не крикнуть на всю улицу: «Только посмотрите, кого я привезла!»

На Язене Славздынь был новый, ладно сдвинувший серый костюм. По его важному, даже чуть-чуть торжественному виду, по тому, как он неторопливо приглаживал седые виски, каким добрым взглядом окидывал гостей, было заметно, что он переживает неповторимую минуту, которую может быть, ждал всю жизнь. Он наклонился в кругу большой, сплочённой семьи, рядом с друзьями, с которыми теперь жила бок о бок. И гости, хорошо понимая хозяина, оговорительно улыбались ему.

— Ты же слышала, — с жём говорил отец. Но по его пресекательному лицу, на котором, казалось, развевались морщины, сын мог судить, какие значительные слова произнёс старый Славздынь.

Евг. ВИНУКОВ

Ночная звезда

Кто был в карауле хоть раз, тот поймёт, Как трудно в ночи ожидался восход.

В дни юности, стою ты тьме на посту, Лицо поднимала я к звезде в высоту.

Звезды той не знала я крупной и ясной, Всю ночь до утра проводила мы с ней.

Вчера в небольшом подмосковном пруду В оёске нашей я ночную звезду.

В Адионии мои, что грубы и твёрды, Я звал её вместе с пригоршней юды.

Я бланко её не видал никогда, Так вот ты какая, ночная звезда!

Ты бланко где-то осталась в судьбе, За свет твой далёкий спасибо тебе.

ИЗ ПОЧТЫ «СМЕНЫ»

О МОИХ ДРУЗЬЯХ

Дорогая редакция!

Мне хочется на страницах вашего журнала рассказать о своих друзьях.

С малых лет я воспитывалась у чужих людей, ничего не зная о родителях.

С нескрываемой завистью смотрела я, как какая-нибудь женщина «заботливо» поправляет шарфик у ребёнка или как мужчина поднимает над своей головой смеющегося крепшца и тот звонок кричит: «Мам! Смотри, какой я большой!» Мне не было знакомо это дорогое слово «мама».

Никто не брал меня на руки, не ласкал и по-родительски не журил меня.

На моём лице редко появлялась улыбка. Если меня кто-нибудь спрашивал, я отвечала отрывисто, грубо и всем своим видом показывала своей нежелание разговаривать. Такой я пришла в Пронский детский дом № 1, куда меня неправильно облюбо в 1942 году.

В то время мне было десять лет. Трудные были мои первые шаги в коллективе. Вспоминать сейчас годы жизни в детском доме, я не могу не выразить чувства своей благодарности директору детского дома Еводию Дмитриевну Дувановой и всему педагогическому коллективу за то, что они чутко и заботливо отнеслись к моим душевным переживаниям, сумели привить мне уважение к людям, осторожно и бережно выправили мой характер.

Общие интересы, связанные с занятиями в школе, участие в пионерском отряде, участие в работе кружка — всё это сближало меня с коллективом.

Строгие и требовательные были мои первые товарищи. Они открыто критиковали тех, кто вёл себя недостойно, смело призывали своих обидчиков.

Помню одно комсомольское собрание в 1946 году. Я уже в то время вступила в комсомол. Обсуждался вопрос о том, как комсомольцы выполняют поручения. А перед этим я отказалась работать с пионерами.

Комсомольцы стали отчитываться. Когда очередь дошла до меня, наступила тишина. Мне казалось, что к слышу биение сердец рядом сидящих товарищей. Я сразу как-то оробела: уж очень необычным показалось это молчание.

Ну, рассказывай, — обратился ко мне секретарь организации.

— Я не буду работать, — тихо, но упорно сказала я, в душе уже сомневаясь в правоте своих слов. Первой решила выступить одна очень скромная девочка. Она вышла на середину комнаты и довольно подробно рассказала обо мне. Говорила о моём характере, о моих ошибках.

— Скажи нам причину своего отказа, — потребовала она.

Я молчала. Да и действительно, что могла я ответить?

Комсомольцы выступили один за другим. Они говорили о моей замкнутости, оторванности от коллектива, о моём нежелании вести общественную работу.

Какие же будут предложения по вопросу о поведении Нины? — спрашивает председатель собрания.

Поднимаются тоненькая рука.

— Вынести выговор, — говорит девочка. — Я предлагаю выговор. Она не хочет даже ничего сказать.

Вот когда вспыхнула от стыда моя уши! Вот когда я впервые на собственном опыте убедилась, какая же громадная сила — общественное мнение!

Тихо... Напряжённое молчание...

— Я приложу все усилия к тому, чтобы не только хорошо учиться, но и быть хорошим общественником, — обещала я.

Собрание помогло мне найти своё место в коллективе, увидеть свои недостатки. Я поняла, что товарищи хотят мне добра.

С тех пор я действительно активно включилась в общественную работу: возглавила пионерскую бригаду, председатель детского совета... С коллективом у меня наладились самые хорошие отношения; позднее я была избрана секретарём комсомольской организации.

И до сих пор я помню это комсомольское собрание, когда во мне возникло новое чувство по отношению к товарищам, когда я поняла, что надо жить и работать в коллективе.

С комсомольским приветом
Нина ТЕРЕХИНА

ЧЕРВОТИЧНА

Роберт Ривкин прибыл в нашу школу в начале нынешнего учебного года. Педагогический коллектив радушно принял молодого преподавателя истории СССР и старался как можно скорее ввести его в курс событий работы по подготовке специалистов сельского хозяйства. Окончив экономический факультет Московского государственного университета имени Плеханова, Ривкин мог бы многому научить руководителей колхозного производства. Но Ривкин не таков. Он не любит обременять себя лишней работой, а от общественных поручений просто отказывается.

— Помилуйте, за общественную работу деньги не платят!

Если же Ривкина просят настоя-

тельно, он изощряется в более утончённых формах отказа.

— Я занимаюсь творческим трудом, — заявляет он. — Мне поручает Общество по распространению политических и научных знаний разрабатывать лекции. Я пишу рецензии...

Ривкин, конечно, не говорит, что за своё творчество он получает изрядный гоним. Стоит же его попросить о бесплатной швейской лекции, как он сразу же найдёт тысячу причин: «Я занят в школе, у меня уроки, я не могу...» и т. д.

Сначала Ривкин работал в плановом отделении Могилёвской гоесплана. Но там «крамды для творческой деятельности» оказались слишком узкими. И вот Ривкин в Могилёвской школе по подготовке сельскохозяйственных специа-

листов. Здесь он нашёл себе простор. Два — три часа лекций — и Ривкин спешит в другое место, куда его тинет дальний рубль.

Ривкин не выносит советов педагогического коллектива школы. Всех учителей и преподавателей он считает «мелкими» людьми. Откуда эта спесь и зазнайство у молодого преподавателя, которому надо учиться и учиться у жизни? Откуда? Ответит ли на этот вопрос преподаватель экономического факультета МГУ, которые аспитанты Ривкина пять лет и не замечали в нём червоточины, которая обнаружилась у него на практической работе?

Г. СУШКОВ,
преподаватель
сельскохозяйственной школы
г. Могилёв.

ДЕВУШКА ИЗ СЕЛА ЛЫХНЫ

Суухская табачная фабрика имени Сталина... Большие, светлые цехи наполнены ровным гудением машин и тончайшим ароматом абхазских табаков. У четырёх гильзовых машин комсомолка Аграфена Диндзария. Это лучшая стажёрка фабрики. Она приехала сюда два года назад из села Лыхны, Гудеуэского района. Девушка не имела никакой специальности. В первое время здесь казалась ей сложными, а ловкость рук мастериц — просто непостижимой.

— Ничего, научишься! — успокаивали девушку новые подруги. И вот пришёл день испытания её профессионального мастера. Это случилось спустя ровно два месяца после приезда Груня на фабрику. Хотя она и волновалась, но экзамен выдержала с честью. Ей доверили одну гильзовую машину. С тех пор она и пошла добрая молва о девушке из села

Лыхны. Ловкая и проворная, она постоянно перевыполняла задания. Вскоре ей дали вторую машину, потом третью. Нина молодая мастерица всё чаще появлялась на фабричной Доске почёта.

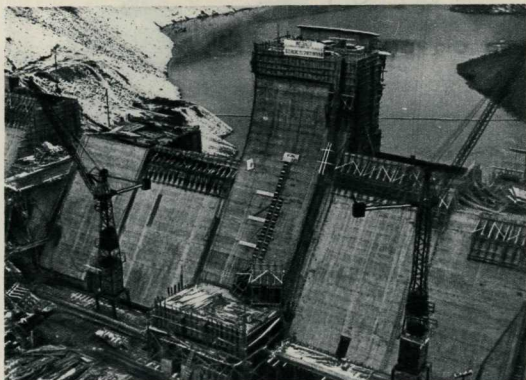
А потом пришёл ещё один радостный день: Груня Диндзария вступила в комсомол. Большое событие в своей жизни она отметила важной производственной победой: перешла на обслуживание четырёх гильзовых машин и дала сверх сменного задания 45 тысяч гильз отличного качества.

Комсомолка — многотаночница Аграфена Диндзария в числе лучших, передовых рабочих Суухской табачной фабрики имени Сталина. Её знают и любят не только товарищи по работе. Трудящиеся Суухи избрали её депутатом горсовета.

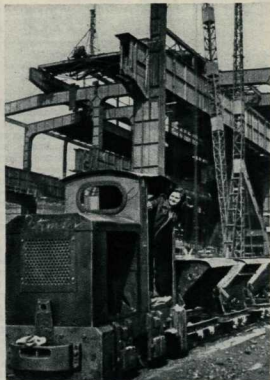
Л. БЫКОВА

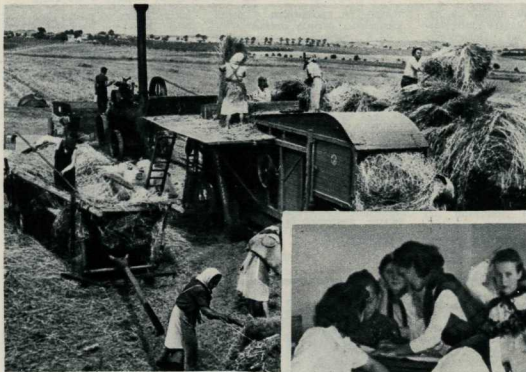
Аграфена Диндзария.

Строительство водного сооружения на реке Кичаве.

На стройке металлургического комбината имени Кlementa Готвальда в Кунчице. На снимке: машинист Валерий Рукиничов.

Уборка зерновых в едином сельскохозяйственном кооперативе Башти.

ОНИ СТРОЯТ НОВУЮ ЖИЗНЬ

Чехословакия сегодня — это гигантская новостройка. С каждым годом обновляется облик страны. Там, где всего четыре года назад теснились ветхие домишки жителей деревни Кунчице, ныне выссятся огромные сооружения крупнейшего в республике металлургического предприятия

комбината имени Кlementa Готвальда. На быстроводных салазках реках одна за другой вступают в строй мощные гидроэлектростанции. В Годонине, на лесистых отрогах Белых Карпат, появились нефтяные вышки. Высокая бетонная плотина преградила стремительный бег реки Оравы. Ее воды уже наполнили обширную долину. Народ назвал это водохранилище Оравским морем.

Трудно даже перечислить всё то, что строится ныне на чехословацкой земле. Вместе со всем народом активно участвует в строительстве новой жизни молодежь.

Более 47 тысяч молодых бригадников-

Дети в народно-демократической Чехословакии окружены заботой и вниманием.

добровольцами строили «Дорогу молодёжи», десятки тысяч юной и девушек соорудили домёны и мартовские печи комбината имени Клементя Готвальда. Подавляющее большинство строительных рабочих, возводящих сейчас Плотину молодёжи на реке Ваг, — это молодые люди, пришедшие на новостройку со всех концов республики.

«Строить Родину — укрепляешь мир!» — этот боевой призыв незабвенного вождя народов Чехословакии Клементя Готвальда нашла живую отклик в сердцах сотен и тысяч юной и девушек, вдохнувших их на великие дела.

...В конце прошлого года на комбинате имени Клементя Готвальда было завершено строительство третьей мартовской печи. Она оснащена новейшим советским оборудованием.

Большая честь была оказана девятинадцатилетнему сталевару Ярославу Скубы из молодёжной бригады, возглавляемой Павлом Бенко. Он провёл первую плавку металла на новом марте.

С тех пор прошло всего несколько месяцев. Но слава о производственных успехах бригады молодых сталеваров облетела всю страну. Павла Бенко и его товарищи стали систематически проводить скоростные плавки. Они выступили инициаторами соревнования за выпуск сверхплановой стали.

Недолго дались молодым сталеварам высокие трудовые достижения. Первые их попытки плавить металл на основе новой технологии были встречены некоторыми рабочими с явным скепсисом. «Отцы плавки и прадеды варили сталь так же, как и мы варили её сейчас... Да ещё какими мастерами считались!.. Эти новшества, быть может, и хороши, но не для нас», — говорили они. Однако молодых сталеваров трудность не смущала. Они подолгу проживали над книгами советских металлургов, выжидали в мельчайшие подробности, советовались с опытными мастерами. И вот завоёван первый успех: вместо обычных 20–16 часов, тратившихся на проведение одной плавки, Павла Бенко сократил длительность каждой плавки до 13–12 часов.

Но настоящий перелом в работе молодёжной бригады произошёл тогда, когда известный советский инженер, побивавший на комбинате, помог устранить подмеченные им недостатки, объяснил чехословацким металлургам, в чём суть советских методов сталеварения. Длительность плавки на мартовской печи, которую обсуждала бригада Павла Бенко, стала сокращаться изо дня в день. Одинадцать часов... восемь часов двадцать минут... семь часов сорок минут.

Третья мартовская печь украсила крупным изображением нагрудного знака Чехословацкого союза молодёжи. Это награда всего коллектива рабочих и строителей кунячского гиганта металлургии образцовою бригаде молодых сталеваров.

Когда на совещании молодых металлургов в Острове Павла Бенко спросили о том, как удалось его бригаде добиться таких высоких производственных показателей, он заявил:

— Это результат напряжённого и вдумчивого изучения замечательного опыта советских стахановцев. Мы сделали лишь первый шаг. Нам предстоит ещё многому учиться у советских друзей.

Так говорит, так думает не только Павла Бенко. Это голос миллионов трудящихся Чехословакии, строящих по примеру и при братской помощи советского народа своё светлое социалистическое будущее.

А. ГАЛЕНКО

Фото В. Наградова.

Отряд конников-спортсменов на улицах города Иванова.

ЧЕМПИОНЫ СТРАНЫ

Погожим майским утром по улицам Иванова двигался отряд кавалеристов. — На занятия едут наши чемпионы, — провозгласил всадник, говорили такими Меланжеского комбината.

...Тренировочное поле. Вот от группы отделяется всадник. Это чемпион ДОСААФа Владимир Савинов.

Он пускает коня в галоп и одно за другим легко берёт препятствия, мастерским взмахом рубит на скаку лозу.

Внимательно следит за каждым движением спортсмена тренер команды мастер спорта Антон Жигаров.

— Повторить! — командует он. — Почему медлишь перед барьером!

Савинов снова берёт препятствия. Он легко перемалывает через изгородь, через канаву. Во всём спор скандал кавалерист. Короткий взмах, клинка не видно. Будто срезающие невидимой бритвой, падают на землю лозины.

— Вот это — другое дело! — удовлетворённо говорит Жигаров, поглядывая на секундомер. — Теперь Иван...

На старт вызывает чемпиона ДОСААФа Николая Смыслова.

Два шпора, он устремляется вперёд, пригнувшись к шее коня. Одно за другим всадник берёт препятствия. Высокая, гибкая девушка словно впадает в седло...

Затем начинается вольтижировка — выполнение различных гимнастических упражнений на полном скаку.

Ловко соскакивают с мчащихся коней и обратно вскакивают в седла спортсмены.

Тренер ни на секунду не упускает всадников из виду, время от времени делая им замечания.

И, глядя на то, как кропотливо отшлифовывают конники технику верховой езды, становится ясно, почему ивановцы завоевали почётное звание чемпионов страны.

— Это было в середине прошлого лета. В Иванове встретились двести лучших кавалеристов страны. Досафовцы Москвы, Узбекистана, Киргизии, Эстонии, Украины, Краснодарского и Ставропольского краёв и других городов и республик оспаривали личное командное первенство СССР по конному спорту. Соревнования проводились по сложной программе олимпийских игр. Каждый кавалерист должен был взять 16 сложных препятствий, преодолеть 20 барьеров, отлично рубить, владеть вольтижировкой.

В первый же день соревнований ивановцы Савинов и Сатаев завоевали кубок Общества, заняв первое место в преодолении препятствий.

Николай Смыслов привнес победу команде в состязании по преодолению препятствий высшего класса и многоборью.

На первое место вышли ивановцы Смирнов и Жигаров. Смирнов показал выдающиеся время в скоростном забеге на 50 километров — 1 час 36 минут 40 секунд, капитан команды Жигаров выиграл первенство в пятикилометровой скачке по пересечённой местности.

А когда подвели итоги соревнований, то выяснилось, что команда ивановских кавалеристов в пятый раз заняла первое место среди досафовцев страны.

Переходящее красное знамя лучшего кавалерийского клуба страны также получили ивановцы.

Кавалеристы Иванова решили и в этом году удержать первое место.

Упорно тренируются они на площадках стадиона «Красное знамя», за городом, в поле. Неважные трудности встают перед конниками. Нелегко выбрать время для общеконных тренировок. Ведь каждый из пятнадцати членов команды учится или работает. Например, чемпион РСФСР Савинов — слесарь кинормонтных мастерских, рекордсмен Сатаев — токарь крошечной фабрики, перерабатывающей винокуры — столяр строительного треста, в техникуме учится Юлия Худикова, в профтехшколе — молодой спортсмен Калинин.

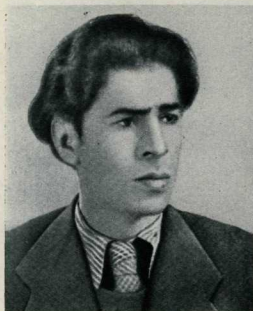
Пригнувшись к луке, всадники летят лесной просекой, перемалывают через зашпалённые столбы буреломы, преодолевая быстрый поток.

Лица молодых конников разгорелись от езды, от ветра, в глазах радость борьбы.

А. КОРЕНЕВ

На старте мастер спорта А. Жигаров.

Скульптор Н. Б. Никогосян.

МЕЧТЫ И СВЕРШЕНИЯ

На одной из тихих московских улиц, во дворе пятиэтажного дома, разместились мастерская скульптора Николая Никогосяна. На подоконниках, на полках, прямо на полу стоят фигуры и группы, вылепленные из глины и пластилина. Это плоды напряжённых трудов и творческих исканий художника — эскизы и модели будущих бронзовых и мраморных скульптур.

Внимание посетителей привлекает модель памятника-монумента герою гражданской войны Николаю Рудневу. «Образ дорогого Коли, созданный Вами», — писал Никогосяну один из участников гражданской войны, друг Н. Руднева, — прекрасно выражает высокие душевные качества человека и большевика, каким был мой друг, герой гражданской войны и обороны Парижа. Большое спасибо за подлинно вдохновенное творчество.

Именно это умение уловить и передать неповторимость выражения лица каждого человека и тем самым раскрыть его внутренний мир является главным в творчестве Никогосяна.

Сложный путь прошёл Никогосян, прежде, чем овладел подлинным мастерством скульптора-художника.

Он родился в далёкой армянской деревушке Большой Шарпар (ныне Налбандян) в семье крестьянина. И разве мог кто-нибудь подумать, глядя на босоногого мальчика, лепившего из глины забавные игрушки для своих сверстников, что пройдут годы и скульптуры, созданные им, будут украшать залы музеев Москвы, площади Еревана, величественные сооружения Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина.

Летом Николай вместе со своими сверстниками пас коров, а зимой учился в школе.

Потом семья Баграфа Никогосяна переехала в Ереван. Кипучий, энергичный темп жизни большого города сразу же захватил впечатлительного мальчика. Часами бродил он по шумным улицам и площадям, возвращаясь домой, полный новых волнующих впечатлений. На его

глазах на мосте узких и грязных улиц вырастали нарядные кварталы многоэтажных зданий, росли заволакивающие поросли, разбегались скверы и парки. И у Николая всё настойчивее пробуждалось желание рассказать людям о красоте и радости окружающего мира, передать другим то, что он увидел, почувствовал и пережил. Но как это сделать, он ещё не знал.

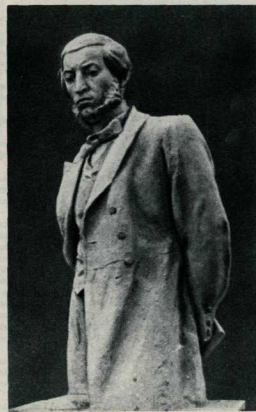
Много профессий переменил Николай Никогосян, прежде чем нашёл своё истинное призвание. Он был и наборщиком в типографии и буфетчиком в театре. Но всегда и всюду, когда чьё-либо лицо привлекало его внимание, в глазах юноши вспыхивал радостный огонёк, и на следующий день он приносил выделенные из глины фигуры, в которых его знакомые легко узнавали себя. И в конце концов прирождённая талантливость одержала победу над временными увлечениями. Николая Никогосян поступил в училище при Академии художеств в Ленинграде.

В напряжённой работе протекали годы учения сначала в училище, а потом в Академии. Занятия в классе сменялись посещениями Русского музея и Эрмитажа. Прекрасные скульптуры Ленинграда и его окрестностей являлись образцами, на которых учился мастерству молодой художник. Одновременно он работал скульптором-реставратором в Эрмитаже.

В 1940 году на очередной выставке ленинградских художников Николай Никогосян впервые выставил свою работу — портрет художницы Крутиковой. Это произведение начинающего скульптора покорило безукоризненным сходством, какой-то особой одухотворённостью, удачно найденной композицией, красотой и свежестью линий. Оно сразу же привлекло к себе внимание художественной общественности города.

В грозные годы Великой Отечественной войны Никогосян посвящает свои произведения героическим подвигам фронтовиков и самоотверженной работе труженников тыла.

..Юноша-партизан, захваченный фашистами в плен, приведён на допрос. Но напрасно враги ждут от него ответа. Комсомолец молчит. И нет сил, способных сломить его. Вся напряжённая фигура партизана дышит презрением и ненавистью к захватчикам. «Не скажу!» — так назвал скульптор своё произведение.

Скульптурный портрет армянского революционеро-демократа М. Налбандяна.

Полны внутренней силы и такие скульптуры Никогосяна, как «Последний спуск», «Мы не простим» и другие.

В последние годы Николай Никогосян работает над созданием портретной галереи выдающихся деятелей науки и искусства, воинов Советской Армии, стахановцев, колхозников. Среди них особое внимание заслуживают экспонировавшиеся на Всесоюзной художественной выставке 1952 года портреты академика Зелинского, народной артистки СССР Тамары Макаровой и особенно фигура великого армянского революционеро-демократа Микаэла Налбандяна, близкого друга Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена.

Микаэл Налбандян стоит, заложив руки за спину, и задумчиво смотрит вперёд. В выражении его лица, во взгляде, во всей его фигуре зритель угадывает большую внутреннюю силу

Скульптурный портрет героя гражданской войны Н. Руднева.

и ясный ум. В этом произведении скульптор сумел передать всё величие и обаяние образа замечательного сына армянского народа.

Интересно задуман и выполнен Никогосяном проект памятника А. Спендиарову. Сидя в глубоком кресле, композитор как бы прислушивается, стараясь уловить ещё неслышимые звучания. Кажется, что через мгновение он встанет, подойдёт к инструменту, и звуки прекрасной мелодии польются из-под его пальцев.

Несколько лет назад, анализируя творчество скульптора, народный художник СССР А. М. Герасимов отметил, что молодой мастер «обладает острой дисциплиной глаза. Изображаемые им люди не позируют, они как бы невольно летят к Никогосяну. Это замечательная черта, которая даёт возможность художнику передать правильно не только фигуру, но и характер в лице человека».

Широки творческие планы Николая Никогосяна. С каждым годом растёт и повышается мастерство скульптора, всё шире становится круг его тем. В содружестве со скульпторами М. Ананишвили, А. Игнатьевым и архитектором Л. Павловичем Никогосян успешно работает над созданием проекта памятника Владимиру Маяковскому.

..Пройдёт несколько месяцев, будут убраны строительные леса с высотного здания на площади Восстания, и москвичи увидят новую работу Николая Никогосяна — шестнадцать скульптурных групп на темы: «Материнство», «Рабочий», «Колхозник», «Физкультурник», «Воин», «Музыкант» и другие.

— Моя мечта, — говорит скульптор, — воплотить в мрамор и бронзу образ советского человека во всём величии его высоких моральных качеств.

Ю. ОВСЯННИКОВ

БОНИНСКАЯ ДИВЕРСИЯ

Гитлеровский фашизм причинил народам много бедствий и горя. Стремясь к мировому господству, он развязал самую кровопролитную из всех войн. Он грабил и зверствовал.

В 1945 году Советская Армия одержала историческую победу. Нацистская военная машина была уничтожена, «третий райх» перестал существовать.

Прошло восемь лет. На страницах западногерманской печати снова замелькали имена гитлеровских генералов и гаулейтеров экономики «третьего рейха».

Недобитое нацистское отребье нагаеет.

Недавно в Гамбурге судили генерала Бентака. Судили по требованию демократической общенности. Бентак — убийца: уже после капитуляции гитлеровской Германии он производил расстрелы солдат-антифашистов.

Когда судьи спросили, как оценивает Бентак свои поступки, подсудимый, не моргнув глазом, заявил:

— Я действовал правильно и готов повторить всё сначала.

Потом Бентак, решив, что он ведёт себя недостаточно нагло, добавил:

— Федеральная республика является преемником «третьего рейха» и приняла на себя его обязательства, в том числе... и приказы фюрера.

Казалось бы, что столь демонстративное поведение подсудимого должно было вызвать замешательство среди защитников: «Кого мы защищаем? Он же сам нас самих ставит в глупое положение. Но этого не произошло. Более того: свидетели защиты заявили, что они сами расстреливали антифашистов и на месте генерала Бентака поступили бы точно так же, как это сделала подсудимый...

Кто же сидел на скамьях защиты? Альбрехт гротс-адмирала Денниа Людвиг-Нейрат, генерал Вагнер и генерал-лейтенант юстиции Бюхельберг, бывший главный судья сухопутных сил гитлеровской армии...

В порядке суда этих генералов без промедления переселили бы со скамьи защиты на скамью подсудимых. Но гамбургские судьи были сами не лучше Бентака и не хуже его защитников. Они оправдали генерала-убийцу... Оправдали, несмотря на

протесты демократической общенности.

Таковы нравы в боннском «райхе», таковы там судьи.

На таких, как Бентак, в боннском государстве нынче спрос. Более того: бентаки в почёте. Им дают мысли, должности и оклады.

Вокруг воинственного главы «ведомства Бланка» (фактического военного министерства) группируются гитлеровские генералы, успевшие после сорок пятого года залатать свои мундиры: Хойзингер, Шнейдель, Крювель, фон Мантейфель, фон Шверин, фон Швепенбург, Бенк. Снова нашли себе дело «специалист по войне в России» Гудеран и фельдмаршал Косельринг, выпущенный недавно из тюрьмы. По субботнему газету «Берлинер пейтунг», в «ведомстве Бланка» работают 77 бывших гитлеровских генштабистов и 23 высших офицера нацистского вермахта.

Генералы кончили писать мемуары. Их цель — восстановить вермахт, которому в агрессивных планах американских империалистов отведена роль главной ударной силы «европейской армии». По договору о так называемом «европейском оборонительном сообществе», должно быть создано 12 западногерманских дивизий. Но в печати уже появляются цифры 40, 50...

Недобитые гитлеровские генералы и воротилы германских концернов разжигают военный психоз, собирают тех эсэсовских крыс, которые восемь лет назад разбежались с тонущего гитлеровского корабля. Создают десятки так называемых обществ, союзов и объединений: «Стальной шлем», «Общество взаимопомощи эсэсовцев», «Объединение служащих в личной охране Гитлера», «Традиционный союз штурмовиков имени Хорста Весселя».

Но на одних генералах, выпущенных из тюрьмы, и эсэсовцах из гитлеровской личной охраны далеко не уедешь: требуются тысячи молодых людей, которые надели бы на себя солдатские шинели и дали присягу служить Аденауэру и Гидебру, магистрату Вура и банкиру Уолл-стрит.

Кинги и радио, кино и театры поставлены на службу фашистской пропаганде, на службу околпачивания молодёжи. Боннские реваншисты хотят воспитать из

По улицам Франкфурта-на-Майне идут танки...

немецких подростков и юношей «гитлеровской молодёжи». И на это они не жалуют денег. Западногерманские промышленники вручили руководителям фашистского «Союза немецкой молодёжи» чек на... полмиллиона марок. Это тот самый «Союз», террористическая деятельность которого была раскрыта в земле Гессен. На деньги, полученные от королей угля и стали, террористы готовили убийства коммунистов и деятелей некоторых других партий. Недавно в Западной Германии была создана новая фашистская молодёжная организация «Национальная молодёжь Германии», под руководством эсэсовских офицеров.

Бланк недавно заявил: — Нам осталось лишь только нажать кнопку — и колёса немецкой военной машины заведутся. Кнопку «оставалось лишь только нажать», но нажать её не так просто даже после ратификации парижского и боннского военных договоров бюджетами. Немецкий народ не подписывал этих договоров. Он против них.

Трущаясь Западной Германией юнкеров, какую судьбу готовит им Аденауэр и его хозяева — американские империалисты. Об этом пробавляются зачитую и сами вдохновители агрес-

сии. Так, выступая в газете «Нюрнбергер нахрихтер», генерал Болдуин поведает немцам, что, по планам Пентагона, Германия должна быть превращена в зону «выжженной земли». Здесь, в частности, «должны быть созданы с помощью химических бомб и снарядов сплошь заражённый газом пояс, простирающийся через всю Северо-Германскую измненность». Болдуин заявил также, что «важнейшие мосты в американской зоне уже сегодня готовы к разрушению».

Такая перспектива сулит немецкому народу только одно — смерть.

Политика боннского правительства, политика смерти, вызывает решительные протесты трудящихся Западной Германии. Волна за волной прокатываются по Западной Германии митинги, демонстрации, забастовки. «Янки, убирайтесь домой!», «Долой Аденауэра!» — эти надписи появляются на дорогах и домах, на заборах и штахетках. Патриоты требуют создания единой, мирной, демократической Германии.

Опасность возрождения фашизма вызывает тревогу народов всех стран.

Опыт учит людей: будьте бдительны!

Ольга Кретьова.

Николай Коноплин.

Виктор Ревунов.

Александр Реемчук.

ИТОГИ КОНКУРСА

Редакция журнала «Смена» с 1 августа 1952 года по 15 марта 1953 года проводила закрытый конкурс на короткий рассказ для молодежи.

Было получено значительное число рукописей. Лучшие рассказы публиковались в журнале. Жюри конкурса, рассмотрев поступившие на конкурс рассказы, решило: первую премию не присуждать; вторую премию присудить Ольге Кретьовой за рассказ «Солнечный дождь»; третью премию присудить Николаю Коноплину за рассказ «Никита-музыкант»; Виктору Ревунову за рассказ «За рекой далью»; Александру Реемчку за рассказ «Как зимнее».

ЖЮРИ КОНКУРСА

ЗАМЕТКИ ФЕНОЛОГА

ВЕНЕЦ ВЕСНЫ

Фото А. Гаранина.

Май — великая весна цветов и птичьих песен, месяц чарующего благоухания садов.

Пашенет солнечная лужайка, полутьга жур-шесты одуванчиков. Нархато-майский воздух разнесит ароматы черемухи, сирени и ландыша.

Май — аюний месяц первых зеленых гроз, заливистых раскаты соловья, вечернего перелюха стрижки в ровном воздухе заката.

Солнце всё выше и ярче. В Ленинграде и на севере уж ни вечера, ни утра: начинается омароватая пора — поточеской светлячки, первые белые ночи: «Она заре сменить другую спит, дав ночи поточескую...»

По народному календарю, 21 мая — первый день весны в Арктике. В марте луночка повила трава под Москвой и, приняв от него эстафету весны, донесла до вершины мира — на Северный полюс.

На севере ещё сугробы, а на Большой земле майские цветы, зеленые, пышные и сев. Майская земля нашла досада тилой воды-снежицы, и в глубокой пашне, как в копилке, собирает на лето драгоценную влагу.

Умолкли симфонии окрестков, искали потоки с юру, и серебряным колокольчиком начинает звенеть январюном.

В предгорьях Кавказа майское предлетье, триумф цветов. У самого Черного моря прино пахнет даже январ. В холмистых садах распустились цветы альпийских, мадриновых деревьев.

Май — месяц крайностей. Пять раз за семьдесят лет май грел теплее июля, в 1948 году в летнюю жару май вдруг пошел белым грибом рядом с ландышами и фиалками. Бывали в мае и холода: метели (1940, 1941, 1945 годы). «Май холодный — год хлеботоропный».

Цветы Востка в легенды любовь народа и прикулам, волшебным цветам. Прикулам ашери — значит, тепло будет, весна пойдет на лад. Действительно, под гром майских гроз, под шум ливней сказочных золотых ключицы несется примулы — открываются запретные чермушками — холодами двери природы в теплое лето.

И тогда открывается окно в сад и душистые ветки ступени расстели к раме, и ветвь нежное дыхание тихого ветра.

Разбрызгивая лисом дышит зеленый лес. Горный свежесть лесного воздуха пахнула из сыртого ошара, толь чермуху бережет алашский след майской ночи. Отрешаясь первая трава, и утром на лужайке друг за тобой облетный след, сверкает изумрудная капля. Птицы свои очарованы: густар пахнет, алетает на снегу, дуетом с ручья, замолкает почти вместе и меняется густаром рожицы с соловьям. Соловей, как только прочит горло, налетает первой росы с безрешного листа и, как бы захмелев, неосторожно начинает заплясывать. А густар, наоборот, как наберет воды в рот кашлины росы с безрешного листа, то молчок, перестает играть песню на току.

Соловьиный день — 15 мая, у песни соловья 24 июля. Потоки прославия птичьих-неведучи, голосом потривающую все леса. Но есть и другая птица. Слушаешь ночью — и кажется, словно кто-то у берега, в кустах, пробует играть на струнах, слишком тонких и немых для насания человека, с тона сбивается, без нот импровизирует неповторимые песни без пилева, без начала и конца.

Мы нашли эту птицу на берегу Московского моря. Эта певница — варакушка, по-народному соловейка, она покрывает не только январюном, соловьям, миллионная, свороним, но и истинно тогосам, синетам, даже крикам и гудам. Своего мотива нет, вот она и варакует с чужого голоса, так и называется: варакушка. Таинственная птица, статная, на стройных ножках, красавица, сразу узнаешь: дварово-голубая грудь и муравьиных лентях, кобальтовая синь на груди, а посреди красная или белая заплата.

Звонит и чистит бесполодный в году природы месяц май. Звонит даже полетная тишина, и перелета трактористам спать не дают, пашков, сон чистит. «Пашков, пашать». Как близок, мил и дорог июльским светлячкам, насадидам — полем садов и лесов русский дуб, берёза, чермуха, ландыши, дышащие нежными от свежести неспешно испашки!

дм. ЗУЕВ

СМЕНА В номере:

Передовая.
Мих. Светлов — Весной. Стихи.
А. Колосов — Наша победа.
Вл. Осинин — В отпуске. Стихи.
Михайл Алексеев — Освобождение.

Н. Коноплин, А. Гридчин — Творчество.
В. Калабин — Лесная, 55.
В. Смирнов — Наш корреспондент.

Земля в цвету — Фоторепортаж.
С. Никитин — Диночка. Рассказ.
Л. Софронов — В чехе пришла новичок.

Бере Святицкова — Родной дом. Рассказ.
Евг. Винокуров — Ночная звезда. Стихи.

Из почты «Смены».
Л. Быкова — Девушка из села Лысы.

А. Галенко — Они строят новую жизнь.
А. Корнеев — Чемпионы страны.

Ю. Овсянников — Мечты и свершения.

В. Егоров — Воинская диверсия.

На первой странице обложки: Москва. Фото В. Ярославцева.

На четвёртой странице обложки: У нового здания МГУ. Фото А. Монсеева и Г. Борисова.

Оформление номера В. Урина.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правда», 24.
Тираж 120 000 экз.

Тел. Д-34-24.

А 2237.

Подписано к печати 24/IV 1953 г.

Заказ № 1023.

Формат бумаги 170/108/4, 1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правда», 24.

КАЖДЫЙ, КТО ЧЕСТЕН, ВСТАНЬ С НАМИ ВМЕСТЕ!

Постер Н. Ватолина.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

13
45 Борисов

Цена номера
2 руб.

